

60 лет косыгинской реформе

Косыгинская реформа: от идеи до сворачивания

Алексей Васильевич Сафонов

ORCID: 0000-0003-3301-9974

Кандидат экономических наук, научный сотрудник,
Институт общественных наук, Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82)
E-mail: aleksei.safronov@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены идеи и ход реализации экономической реформы 1965 года. Актуальность темы обусловлена не только юбилеем реформы, но и тем, что она продолжает оставаться в центре научных дискуссий о принципиальной возможности корректировки советской экономической модели в послевоенный период без ее слома. Вписывание отдельных предложений экономистов в контекст дискуссии 1962–1965 годов позволило реконструировать представления об альтернативной модели плановой экономики, которая совместно разрабатывалась в то время экономистами-математиками, кибернетиками и практиками-хозяйственниками. Сделан вывод, что господствующая сегодня в литературе трактовка о борьбе идей экономического либерализма и компьютеризации планирования возникла позднее, а современники выдвигали комплекс реформаторских предложений, объединявших компьютеризацию, экономико-математические методы и использование экономических стимулов (материальной заинтересованности). Однако при воплощении экономической реформы не было реализовано несколько важных элементов: с запозданием проведен пересмотр оптовых цен; система сбора экономической информации, которая позволяла бы оперативно корректировать цены, не создана; не обеспечена стабильность экономических нормативов — вместо единых нормативов они утверждались по министерствам и отраслям, из-за чего работа Межведомственной комиссии во многом свелась к борьбе за «выгодные» нормативы. Реформа снизила доходы бюджета и увеличила не имеющий товарного покрытия платежеспособный спрос населения, что привело к обострению дефицита на потребительском рынке. Преодоление этих негативных явлений могло идти либо путем углубления реформы вплоть до создания рыночной экономики, либо путем восстановления административного контроля за пропорциями воспроизводства. Выбор «административного» пути был связан с неготовностью государственного аппарата отказаться от своей роли в экономическом и социальном развитии страны. Непоследовательность в проведении реформы обусловила ее противоречивые результаты: при улучшении ряда финансовых показателей перехода к интенсивному типу развития не произошло.

Ключевые слова: плановая экономика, командная экономика, материальная заинтересованность, экономико-математические методы, Либерман, Немчинов

JEL: N0, P20, P30

Исследование подготовлено в рамках НИР ГЗ РАНХиГС 10.1-2025-1 «Влияние стратегических документов Советского Союза и Российской Федерации на общественно-политический строй».

This Issue's Theme: 60 Years Since the Kosygin Reform

The Kosygin Reform: From Conception to Curtailment

Alexey V. Safronov

ORCID: 0000-0003-3301-9974

Cand. Sci. (Econ.), Research Fellow, Institute for Social Sciences,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,^a
e-mail: aleksei.safronov@mail.ru

^a 82, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russian Federation

Abstract

The article examines the ideas behind the 1965 economic reform in the USSR and the way in which it was implemented. That reform is still central to discussions about whether it would have been feasible, at least in theory, to adjust the Soviet economic model in the post-war period without breaking it. The article sets proposals by well-known economists (such as those in an article by E. G. Liberman) against the economic debate that ran from 1962 to 1965. This facilitates reconstruction of an alternative model for a planned economy which was developed jointly at that time by mathematical economists, cyberneticists, and practical business operators. In contrast with the prevailing view, the author maintains that the struggle between proponents of economic liberalism and of improving planning through computerization arose later and that contemporaries of the reform, including V. S. Nemchinov, put forward a set of reform proposals that combined computerization, economic and mathematical methods, and the use of economic incentives (material interest), which were compatible with Liberman's proposals. Several important elements of the proposed economic system were not implemented: pricing reform was carried out belatedly and only once; a way to collect economic information that would permit prompt price adjustments was not created; and stability of economic guidelines was not sustained. Guidelines were instead subject to change through annual approvals by ministries and industries. The Interdepartmental Commission (IDC), which was nominally empowered to advance reform, resorted largely to mere jockeying for “favorable” guidelines. No wholesale market for the means of production was created, and therefore the increased demand of enterprises for capital investment could not be satisfied. The state arbitration mechanism, which was meant to ensure consistency in deliveries by economic means, worked only to a limited extent. The reform reduced government revenues and increased the population's effective demand, which exceeded the ability to deliver commodities and exacerbated the deficit in the market for consumer goods. These negative outcomes might have been averted either by ratcheting up reform until a market economy was created, or else by reinstating administrative control over production quotas. But it proved impossible to refrain from choosing one of the two options. The administrative path was chosen even before the Prague Spring because the state bureaucracy was unwilling to give up its role in the economic and social development of the country. The inconsistency in the implementation of the reform led to contradictory results. Although a number of financial indicators improved, the transition to an intensive type of development did not occur.

Keywords: USSR, planned economy, command economy, material incentives, economic and mathematical methods, Liberman, Nemchinov

JEL: N0, P20, P30

Acknowledgements

The article was prepared as part of the RANEP state research program 10.1-2025-1 under the topic “The influence of strategic documents of the Soviet Union and the Russian Federation on the socio-political system.”

Введение

Среди всех экономических реформ, проводившихся в СССР до перестройки, косыгинская реформа, неофициально называемая так по фамилии председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина, который на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1965 года объявил о ее начале, пожалуй, привлекла больше всего внимания и исследователей, и мемуаристов.

Реформу так или иначе упоминают и биографы Косыгина [Гвишиани, 2004; Премьер известный..., 1997], и непосредственные участники ее проведения из числа оставивших воспоминания, включая и идеологов-экономистов [Белкин, 2003; Бирман, 2001], и руководителей ведомств, отвечавших за ее реализацию [Байбаков, 2011a; 2011b]. В работах по истории экономических реформ в России косыгинской реформе также уделяется много внимания [Абалкин и др., 2007; Белых, Мау, 2023].

Если мемуаристы, как правило, дают личную оценку реформы в целом, то исследователи сегодня фокусируются на отдельных аспектах ее проведения. Особо нужно отметить серию статей и диссертацию Нины Михайловны Бабкиной, посвященные Междуведомственной комиссии при Госплане СССР [Бабкина, 2018; 2017], а также работы Любови Николаевны Лазаревой, в которых рассматриваются идеологические основы реформы [Лазарева, 2016; 2021]. Значительный пласт материалов по реформе сфокусирован на вопросе ее нереализованного потенциала по повышению эффективности функционирования советской экономики [Голанд, Некипелов, 2010; Нуреев, Латов, 2018].

В настоящей статье предпринята попытка представить косыгинскую реформу как развивавшийся по своей внутренней логике процесс, имевший определенные предпосылки и в своем развитии подчинявшийся внутренним законам советской экономической системы.

1. Социально-экономический контекст дискуссий начала 1960-х годов

Сталинская экономическая система базировалась на том, что политическое руководство формирует конкретные цели экономического развития (вплоть до объемов производства отдельных видов продукции, например стали или угля), а центральный плановый орган имеет достаточно информации о производственных возможностях предприятий, чтобы детализировать эти цели.

По мере усложнения структуры экономики система хозяйственных органов становилась всё более разветвленной, появ-

лялись всё новые и новые хозяйственные наркоматы, а над ними надстраивались новые уровни управления типа Экономсовета или (позднее) профильных бюро Совмина, курировавших развитие родственных групп отраслей, что до поры до времени позволяло системе сохранять целостность, не превращаясь в конгломерат автономно развивающихся хозяйственных агентов.

Исполнители (предприятия) экономически стимулировались за лучшее выполнение спущенных им сверху планов, но имели ограниченные возможности влиять на сами эти планы.

В 1950-е годы в силу комплекса экономических и политических причин новое политическое руководство СССР предпринимает ряд попыток привлечь трудящихся не только к выполнению, но и к составлению планов.

Среди этих причин можно отметить перегруженность верхних уровней управления, которая возрастала тем больше, чем сложнее становилась структура экономики; выход СССР на передовые рубежи по ряду направлений науки и техники, что требовало новых походов к определению перспективных целей развития; а также развернувшуюся после смерти Сталина борьбу за политическое лидерство, в которой передача полномочий «вниз» могла служить средством завоевания симпатий у руководителей среднего звена (можно вспомнить, что в 1957 году Президиум ЦК КПСС попытался снять Хрущёва, но Пленум ЦК КПСС — более широкое мероприятие — его отстоял).

Хрущёвские экономические реформы, насколько можно судить по актуальным историческим исследованиям и опубликованным документам, ни на какую стройную концепцию не опирались. С одной стороны, Никита Сергеевич не очень любил советоваться с кем-либо, с другой — общее направление преобразований в сторону демократизации и децентрализации управления как будто было и так очевидно и разделялось всеми постсталинскими руководителями.

Следует отметить, что в странах СЭВ в тот же период начинались схожие реформы, которые в отдельных случаях даже обгоняли процессы в Советском Союзе. В Югославии основы собственной модели социализма с опорой на самоуправление сложились еще на рубеже 1940–1950-х годов. В Венгрии политический кризис 1956 года дал старт разработке реформы 1957 года, в ходе которой была введена система участия трудовых коллективов в распределении прибыли [Джалилов, Пивоваров, 2021. С. 179]. Это значит, что реализация советской модели социализма, которую в той или иной мере копировали после войны восточноевропейские страны, выявляла в этой модели однотипные трудности, которые пытались преодолевать схожими методами.

Риторика подготовки совнархозной реформы приписывала эгоистические интересы только оторвавшимся от народа отраслевым министерствам и центральным ведомствам; совнархозы, по мысли сторонников реформы, будут сохранять связь с массами и тем самым по-государственному подходить к составлению и исполнению планов. Уже в первый год шестой пятилетки — 1956-й — выяснилось, что ее задания трудновыполнимы. Отмена шестой пятилетки и разработка вместо нее семилетнего плана объяснялась изменением подхода к управлению промышленностью, который должен был найти отражение в планировании. Подразумевалось, что новые формы управления обеспечат необходимый темп роста производства и позволят выполнить то, что не удавалось при старых.

Для разработки семилетнего плана при Госплане СССР были созданы межведомственные комиссии: по основной экономической задаче СССР¹, по повышению уровня жизни, вопросам труда и заработной платы, финансовым проблемам, развитию важнейших отраслей народного хозяйства, проблемам развития науки и ряду других. В состав комиссий вошли работники Академии наук, ЦСУ, отраслевых НИИ, вузов и др. Материалы комиссий должны были создать основу для разработки семилетнего плана². Таким образом, семилетка стала первым перспективным планом, для подготовки которого привлекалась широкая научная общественность.

Среди межведомственных комиссий, образованных в конце 1957 года, комиссии по вопросам методологии планирования не было. Но академические ученые воспользовались открывшейся благодаря хрущёвским реформам возможностью участия в работе плановых органов, чтобы заявить, что сам подход к планированию нуждается в пересмотре.

Реформа вызывала сбои межрайонных поставок и снижение темпов роста производства. Объем незавершенного строительства резко увеличился: совнархозы, пользуясь своими полномочиями, начинали больше строек, чем можно было закончить, так как Госплан СССР оказался фактически не в состоянии выполнять свою важнейшую функцию по балансированию ресурсов и потребностей.

По мере нарастания проблем с совнархозами требовался либо возврат к высокоцентрализованной сталинской модели управления, в которой плановики должны иметь информаци-

¹ Основная экономическая задача сформулирована на XX съезде КПСС: «В исторически кратчайшие сроки на путях мирного экономического соревнования догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения».

² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 56. Д. 344. Л. 2.

онные и административные ресурсы, чтобы проверять поступающие заявки на снабжение и вскрывать скрытые ресурсы производства, задавая напряженные, но реальные планы, либо поиск механизма, который стимулировал бы предприятия самостоятельно экономить ресурсы и принимать повышенные плановые обязательства.

Ответом на этот запрос стал комплекс идей, в котором соединялись рентабельность и материальная заинтересованность, концепция оптимального планирования и большие надежды на кибернетику и электронно-вычислительные машины.

2. Три основных идейных направления экономической дискуссии и их взаимосвязь

Современные исследователи по-разному структурируют идейное поле экономических дискуссий, предшествовавших реформе. Андрей Акатович Белых и Владимир Александрович Мау выделяют три направления обсуждений: повышение качества планирования (улучшение кадровой работы и технологии планирования), выбор наилучшего оценочного показателя и совершенствование системы стимулирования исполнителей. Выполнение плана в качестве оценочного показателя предлагалось заменить показателями прибыли и рентабельности, а поощрение привязать не к перевыполнению планов, а к росту прибыльности, что, в свою очередь, требовало расширения самостоятельности предприятий [Белых, Мау, 2023. С. 98–99].

Главный редактор журнала ЦЭМИ «Цифровая экономика» Анатолий Николаевич Козырев структурирует пространство идей чуть иначе, тоже выделяя три направления дискуссии: рыночное, технократическое и экономико-математическое (идеи оптимального планирования)³. Он подробнее, чем Белых и Мау, показывает взаимное проникновение этих направлений. По мнению автора настоящей статьи, основные направления Козыревым были определены верно, но описание их взаимного влияния требует уточнения.

Рентабельность и материальная заинтересованность

Хотя перестройка управления промышленностью по территориальному принципу практически не изменила статус предприятий, во время ее обсуждения постепенно выкристаллизовалось

³ Козырев А. Н. Три утопии и призрак коммунизма за круглым столом. <https://web.archive.org/web/20191209233045/https://medium.com/cemi-ras/три-утопии-и-призрак-коммунизма-за-круглым-столом-1-eaf2adb3b6ac>.

мнение о промышленном предприятии как о самостоятельном хозяйственном организме, который не только выполняет задания вышестоящих органов, но и обладает собственными экономическими интересами.

Острее всего противоречие между общегосударственными и частными интересами проявлялось в области капитальных вложений. Новые цеха строились за государственный счет, то есть для директоров предприятий были как бы «бесплатными». Директора предприятий при содействии совнархозов начинали множество новыхстроек, на которые во всей стране не хватало стройматериалов. В результате предприятия строились годами и зачастую морально устаревали уже к моменту ввода в эксплуатацию.

Хрущёв, еще только анонсируя в начале 1957 года идею совнархозов, требовал сделать так, чтобы капитальное строительство велось за счет собственных оборотных средств предприятий и они не обивали бы пороги Госплана и Минфина. Ту же мысль он повторил на XXII съезде партии: «Мы должны поднять значение прибыли, рентабельности. В интересах лучшего выполнения планов надо дать предприятию больше возможностей распоряжаться прибылью, шире использовать ее для поощрения хорошей работы своего коллектива, для расширения производства» [Материалы XXII съезда., 1961. С. 181].

Признание обособленных от общества экономических интересов предприятия, или, другими словами, признание товарного характера советской экономики, ставило на повестку дня вопрос о заключении своего рода соглашения между предприятиями и обществом в лице плановых органов: предприятия обязуются выполнять план, но ожидают вознаграждения пропорционально своему вкладу в доход общества.

В советской экономической модели естественной связи между денежным вознаграждением рабочих и реализацией продукции не было. В начале года устанавливалось соответствие между общим объемом фонда оплаты труда и общим объемом утвержденной производственной программы предприятия. Выполнение определенного процента годовой производственной программы давало бухгалтерии право начислить рабочим соответствующий процент от годового фонда оплаты труда. Выплата зарплаты не зависела от финансового состояния предприятия, государство могло установить такие цены и такие ставки отчислений в бюджет, что предприятие стало бы планово убыточным, но при этом работники всё равно получали бы зарплату. При необходимости зарплатные счета предприятий пополнялись из бюджета. С одной стороны, такой подход защищал рабочих, но с другой — создавал

предпосылки их незаинтересованности в тех показателях работы, которые на зарплату не влияли.

19 марта 1962 года «Экономическая газета» обратилась к широким кругам читателей с анкетой «Делового клуба». Центральное место среди вопросов анкеты занимала связь экономических интересов отдельного предприятия и государства в целом. Большинство ответов сводилось к необходимости «переизобрести» систему планирования таким образом, чтобы заинтересовать предприятия в совершенствовании технологии и повышении качества продукции [Лисицына, 1971. С. 6].

7 июля 1962 года газета «Правда» начала дискуссию под заголовком «Совершенствовать хозяйственное руководство и управление», призвав читателей высказаться, что же надо улучшить в экономическом механизме. В следующие месяцы в этой рубрике были опубликованы десятки статей, дискуссия перекинулась в другие газеты и научные журналы.

Самым острым был вопрос, в чем именно измерять выполнение производственной программы. Споры велись в парадигме наименьшего зла: все стороны признавали, что ни один отчетный показатель не является идеальным, и если оценивать работу предприятий только по нему, то это приводит к ошибкам и убыткам для экономики, а для комплексной всесторонней оценки каждого предприятия с учетом всех факторов у центральных плановых и хозяйственных органов не хватает сил. Таким образом, спор велся по вопросу, какой показатель наименее плох.

Самым логичным было бы вознаграждение за выполнение плана в натуре, но, несмотря на мечты о планировании «до гайки», детализация планов из-за ограниченных возможностей плановиков и вычислительной техники была недостаточной, установить каждому предприятию детальный план производства каждого вида продукции было невозможно. В плане в натуре указывались задания по производству только самых важных видов продукции, да и в этом случае частенько выяснялось, что задание было установлено без детального изучения спроса и произведенная продукция не находит сбыта и пылится на складах.

Обычно зарплата платилась за выполнение плана «по валу», то есть валовой стоимости произведенной продукции. По этой причине у предприятий был стимул завышать стоимость сырья и полуфабрикатов, так как они тоже учитывались в валовой стоимости. Другим популярным способом «накрутить вал» были ассортиментные сдвиги в пользу дорогой, но простой в изготовлении продукции. Кроме того, в конце месяца или квартала запасы сырья номинально переводились в незавершенное про-

изводство, так как стоимость незавершенной продукции тоже включалась в «вал»⁴.

Высказывались предложения устанавливать производственную программу не по объему валовой продукции, а по величине нормативной стоимости обработки. Тогда бы в зачет предприятия шла только произведенная им самим добавленная стоимость изделий и не было стимула завышать стоимость сырья и полуфабрикатов. Однако это требовало установления нормативов стоимости обработки по каждому виду изделий, что было технически нереализуемо (либо нормативы были бы крайне укрупненными). И опять-таки возникали выгодные и невыгодные виды изделий и, соответственно, стимулы сдвигать ассортимент не в сторону пользующихся спросом товаров, а в сторону товаров, позволяющих проще выполнить план.

Выход виделся в использовании синтетических показателей эффективности производства. Главным образом рассматривались уровень рентабельности основных фондов и снижение себестоимости.

Обобщая множество статей в «Правде», бывших частью публичной дискуссии 1962 года, нужно отметить: сторонники рентабельности подчеркивали, что ориентация на снижение себестоимости заставляет предприятия ухудшать качество и снимать с производства дорогие товары, пусть даже те пользуются спросом. Сторонники снижения себестоимости отвечали, что ориентация на рентабельность также заставит предприятия снижать себестоимость в ущерб качеству, да вдобавок еще задираť цены на свою продукцию. Если же ограничивать права предприятий в области ценообразования определенной надбавкой на себестоимость, то предприятия будут завышать себестоимость, чтобы увеличивать массу прибыли. Кроме того, рентабельность обуславливается и факторами, не зависящими от предприятия, например качеством сырья.

Отдельной проблемой было премирование за перевыполнение планов. Чтобы легче перевыполнить план и получить премию, надо сам план установить заведомо заниженным. Поэтому каждый год предприятия спорили с плановыми органами, доказывая, что план им надо дать поменьше.

Таким образом, знаменитая статья Евсея Григорьевича Либмана в «Правде»⁵ стала частью дискуссии, развернутой в ответ на явный общественный запрос. Статья получила такую известность

⁴ Петренко А. О показателях валовой и товарной продукции // Правда. 1962. 26 сентября. № 269(16125). С. 3.

⁵ Либман Е. Г. План, прибыль, премия // Правда. 1962. 9 сентября. № 252(16108). С. 3.

именно потому, что первой публично предложила относительно целостную новую систему поощрения.

Итак, в опубликованной в «Правде» 9 сентября 1962 года статье Либермана «План, прибыль, премия» предлагалась новая система планирования и стимулирования работы предприятий. Плановые органы должны были доводить до предприятий только задания по объемам выпуска продукции определенной номенклатуры и сроки поставки этой продукции потребителям. Остальные показатели планировали бы сами предприятия.

Чтобы предприятия принимали повышенные, а не заниженные планы, Либерман предлагал оценивать предприятия «на основе долевого участия в созданном доходе». Предлагалось привязать материальное стимулирование работников к рентабельности активов (отношению прибыли от продаж к стоимости основных фондов предприятия). В свою очередь, это означало оценку не по выпущенной (валовой), а по реализованной, то есть принятой потребителями, продукции.

Рост стоимости основных фондов увеличивал бы знаменатель формулы рентабельности, тем самым снижая уровень рентабельности и величину поощрения. Это должно было прекратить практику «выбивания» в Госплане капиталовложений «на всякий случай». В условиях роста «незавершенки», долгостроев и снижающейся отдачи от капвложений это было особенно важно.

Правда, помимо «бесплатности» была еще одна причина, заставлявшая предприятия копить основные фонды, — перебои в материально-техническом снабжении. Если предприятие не уверено, что в нужное время сможет получить нужный станок, оно постарается «захватить его впрок», даже если за содержание бездействующего какое-то время станка на своем балансе придется вносить платежи в бюджет. Поэтому предпосылкой перехода на рентабельность активов как основу для поощрения должно было стать развитие торговли средствами производства либо преодоление дефицитности системы материально-технического снабжения.

Либерман перечислял плюсы заинтересованности предприятий производить максимум прибыльной продукции: если у предприятий не будет планов по зарплате и численности персонала, они сократят лишних работников и будут стремиться увеличивать производительность труда. Желание работников заработать больше денег будет стимулировать их работать лучше. Не нужно будет скрывать резервы, а значит, снизится нагрузка на плановиков и контролеров. Разумеется, в случае невыполнения планов по объему, номенклатуре и срокам поставок продукции предприятие не премировалось.

По замыслу Либермана, предприятия направляли бы в совнархоз проекты своих планов, а центральные плановые органы спу-скали бы в совнархоз обобщенные государственные задания по экономическому району в целом. Либерман был уверен, что сумма планов предприятий, движимых стремлением заработать, будет превышать размер необходимых централизованных заданий.

Сама идея поощрения в зависимости от прибыли была не нова: фонд директора существовал с перерывом на войну с 1936 по 1955 год и образовывался как 4% плановой и 50% сверхплановой прибыли. Поскольку со сверхплановой прибыли отчисления были выше, у предприятия был стимул принимать заниженные планы, которые было легче перевыполнить. Либерман предлагал разделить на плановую и сверхплановую прибыль заменить шкалой рентабельности фондов и закрепить эту шкалу на несколько лет.

Основной новизной предложений Либермана было не то, что надо связать прибыль и зарплату, а то, что, установив предприятию план в номенклатуре (то есть в натуре по видам продукции) и связав поощрение с рентабельностью активов, больше никаких показателей для предприятия устанавливать не нужно. Как лучше выполнить план — предприятие решит самостоятельно.

Основная проблема предложений Либермана состояла в том, что цены на продукцию должны быть адекватными ее трудоемкости и спросу на нее. В соответствии с новой системой Либермана предприятию в натуре и номенклатуре планируют не весь объем продукции — детализировать производственную программу оно должно самостоятельно, ориентируясь на уровень рентабельности тех или иных видов продукции. А для этого цены должны отражать соотношение спроса и предложения.

При капитализме это достигается через рыночный обмен и конкуренцию производителей. Но как это сделать в советской экономике? Без адекватных цен самая рентабельная для предприятия продукция необязательно будет самой нужной обществу.

Было необходимо либо вводить в СССР куплю-продажу по свободным ценам, либо каким-то образом симитировать, смоделировать рынок. О возможности этого заявили энтузиасты оптимального планирования.

Экономико-математические методы и оптимальное планирование

Выступая 12 июня 1961 года на Всесоюзном совещании научных работников, зампред Совмина СССР Алексей Николаевич Косыгин требовал от ученых «разработать конкретные предло-

жения по применению математических методов и современной вычислительной техники — быстродействующих машин в экономических исследованиях, планировании и управлении производством» [Косыгин, 1979. С. 152].

В конце 1958 года Василием Сергеевичем Немчиновым была создана лаборатория экономико-математических методов, для подготовки кадров в 1959–1960 годах началось преподавание математики экономистам в ведущих вузах.

В апреле 1960 года состоялось научное совещание о применении математических методов в экономических исследованиях и планировании, подготовку которого возглавлял Немчинов [Белых, 2007. С. 150]. Совещание приняло координационный план работы по применению математических методов и ЭВМ в экономике и рекомендовало организовать в АН СССР институт экономико-математических методов [Белых, 2007. С. 151].

В 1961 году было проведено первое координационное совещание по вопросам применения математики и вычислительной техники в экономических исследованиях и планировании с участием 56 организаций. Во втором совещании, прошедшем в 1962 году, приняло участие уже более 70 организаций. В 1962 году в Новосибирске состоялась первая конференция по оптимальному планированию, а в 1963-м на базе ряда научных учреждений был создан Центральный экономико-математический институт АН СССР (ЦЭМИ) во главе с Николаем Прокофьевичем Федоренко (преемником Немчинова, который к тому времени уже был тяжело болен) [Белых, 2007. С. 152].

Такое бурное развитие (за пять лет пройден путь от первых переводных публикаций до создания профильного института, научных советов, регулярных совещаний и десятков организаций-участников) объясняется значительными обещаниями, которые в то время раздавали сторонники математических методов. Ученые заявили, что могут на основе так называемых объективно обусловленных оценок, получаемых при решении задач линейного программирования, рассчитать такие цены на продукцию, при которых предприятия, стараясь максимизировать свою прибыль и отчисления в фонд поощрения, производили бы именно тот набор продукции, который нужен обществу. Это позволило бы нивелировать основные риски предложений Либермана — что предприятия будут в погоне за прибылью производить не то, что нужно.

В 1959 году в СССР создается комиссия Академии наук по вопросам ценообразования. Руководителем комиссии назначен Немчинов, который использовал ее как площадку для постепен-

ной популяризации идеи расчета цен математическими методами с использованием межотраслевого баланса [Немчинов, 1963].

Немчинов и его сторонники предложили новую модель планирования, в которой от государственных заданий следовало перейти к государственным заказам, распределяемым между предприятиями на конкурсной основе. Предприятия сообщали бы плановому органу свои производственные возможности с учетом собственных планов повышения производительности труда и снижения себестоимости, эти данные закладывались бы в огромную оптимизационную задачу, охватывающую всю экономику, в результате чего заказы на производство продукции распределялись бы между ними оптимальным образом [Немчинов, 1965. С. 7]. При изменении технических условий на предприятиях весь план должен был пересчитываться. Централизованное снабжение предлагалось заменить государственной торговлей средствами производства.

На совещании в 1964 году директор Института математики Сибирского отделения АН СССР Сергей Львович Соболев прямо заявил, что применение объективно обусловленных оценок для ценообразования «дает принципиальную возможность использовать цены на продукцию для автоматического поддержания народного хозяйства в оптимальном режиме» [Экономисты и математики..., 1965. С. 64].

Новая философия планирования, где предприятия борются за госзаказ, а сам госзаказ распределяется по результатам оптимизационного расчета, впервые была опубликована в газете «Правда» 21 сентября 1962 году в статье В. С. Немчинова «Плановое задание и материальное стимулирование» как комментарий к статье Либермана. Концепция Немчинова расширяла, дополняла и завершала предложения Либермана.

Немчинов был главой научного совета при Академии наук СССР по комплексной проблеме «Научные основы планирования и организации общественного производства». На этом научном совете еще в апреле 1962 года состоялось обсуждение доклада Либермана [Нуреев, Латов, 2018. С. 100].

В августе 1962 года в журнале Академии наук СССР «Вопросы экономики» вышла статья Либермана «Планирование производства и нормативы длительного действия» с теми же идеями, которые через месяц появятся в «Правде». Главным редактором «Вопросов экономики» в то время был Лев Маркович Гатовский, одновременно возглавлявший научный совет по хозяйственному расчету и материальному стимулированию производства при Академии наук СССР.

По воспоминаниям главного редактора газеты «Известия» Алексея Ивановича Аджубея, во второй половине 1962 года Либерман написал письмо со своими предложениями секретарю ЦК КПСС Петру Ниловичу Демичеву. Демичев показал письмо Хрущёву, тот дал добро на публикацию. Но с учетом предварительного обсуждения идей Либермана на научном совете и в профильном журнале можно предположить, что именно московские экономисты продвинули взгляды харьковского профессора как пробный шар для презентации собственных представлений.

Статья Либермана вышла 9 сентября, комментарий Немчинова появился уже 21-го. А 25–26 сентября состоялось расширенное заседание упомянутого научного совета по хозяйственному расчету и материальному стимулированию производства с обсуждением идей Либермана, материалы которого были напечатаны в двух выпусках «Вопросов экономики» (№ 10 и 11 за 1962 год).

Столь сжатые сроки косвенно свидетельствуют, что подготовка обсуждения была начата еще до публикации Либермана в «Правде».

Кибернетика на службе планирования и идея ОГАС

В соответствии с рекомендацией первого совещания по применению математических методов, прошедшего весной 1960 года, в АН СССР был создан научный совет по применению математики и вычислительной техники в экономических исследованиях и планировании, который возглавил Немчинов [Ставчиков, 2004. С. 149].

Еще за полтора года до этого — 6 октября 1958 года — вышло секретное постановление ЦК КПСС и Совмина СССР № 1121-541, посвященное вопросам разработки и выпуска ЭВМ. В нем, в частности, было одобрено предложение Госплана СССР о создании вычислительного центра для расчетов в сфере планирования и экономики народного хозяйства. Осенью 1959 года был подписан приказ о создании Вычислительного центра (ВЦ) Госплана СССР. ВЦ с первых месяцев стал в экспериментальном режиме заниматься межотраслевыми балансами и оптимизационными расчетами. В 1962 году директор ВЦ Николай Иванович Ковалёв предложил создать при госпланах союзных республик, крупных совнархозах вычислительные центры, объединить их линиями связи и замкнуть на ВЦ Госэкономсовета⁶.

Постановление правительства от 21 мая 1963 года № 564, которым был учрежден ЦЭМИ, кроме того, предписывало разра-

⁶ С образованием Госэкономсовета ВЦ Госплана был переподчинен ему. Речь идет об одной и той же организации.

ботать Единую государственную сеть вычислительных центров (ЕГСВЦ), то есть закрепляло связку «развитие математических методов — развитие компьютеров для их применения». Разработчики проекта ЕГСВЦ, вместо того чтобы предложить решение проблем, с которыми сталкивались хозяйственные министерства и ведомства, рекомендовали заменить эти ведомства будущей сетью вычислительных центров, из-за чего их идеи встретили понятное сопротивление [Сафронов, 2020].

После ряда доработок проекта, каждая из которых встречалась в штыки то Госпланом, то ЦСУ, в 1966 году было принято правительственное решение, что ведомства создают каждое свою компьютерную систему, которые позднее объединяются в сеть, то есть система становилась не единой, а объединенной. Это позволило Госплану СССР начать работы над Автоматизированной системой плановых расчетов (АСПР), которую он неизменно позиционировал как ядро будущей сети Общегосударственной автоматизированной системы сбора и обработки информации для учета, планирования и управления народным хозяйством (ОГАС).

Таким образом, предложения Либермана следует рассматривать в контексте взаимно дополнявших друг друга идей о путях повышения эффективности экономики: решая на ЭВМ оптимизационные задачи, разрабатывать определенные правила игры, в рамках которых предприятия действовали бы самостоятельно, ориентируясь на материальную заинтересованность. Позднее, когда из всего комплекса стала реализовываться только система стимулирования с опорой на рентабельность, без оптимальных цен и без ОГАС, сторонники этих идей стали задним числом противопоставлять пути развития плановой системы через компьютеризацию и развитие экономических стимулов.

В действительности по состоянию на середину 1960-х выбрать было не из чего. Сеть вычислительных центров, которая получала бы необходимую для оптимизационных расчетов информацию от каждого предприятия, могла возникнуть только через годы. С конца 1962 года начались экономические эксперименты по проверке и отбору идей для реформы, которые можно было бы реализовать сразу.

3. Экономические эксперименты перед началом реформы

Газета «Правда» развернула широкую кампанию по обсуждению статьи Либермана и путей улучшения материального стимулирования, которая длилась примерно два месяца. Мнения разделились, но нашлось достаточно добровольцев проверить идеи на практике.

Московский городской совнархоз в 1962 году сам попросил Госплан РСФСР в порядке эксперимента ввести в его экономическом районе непрерывное скользящее планирование, при котором утверждалось бы задание сразу на два плановых года: на первый год окончательно, а на второй — с возможностью корректировки⁷.

Председатель Воронежского совнархоза тогда же вызвался применить в ряде своих предприятий предложения, выдвинутые в статье «План, прибыль, премия», правда, его инициатива не была поддержана [Лисицына, 1971. С. 8].

В порядке опыта в 1963 году планирование и учет на предприятиях всех отраслей промышленности Татарского экономического района были построены на показателе объема производства в нормативной стоимости обработки изделий⁸.

В 1963 году эксперименты шли в Белорусском, Днепропетровском, Донецком, Московском, Средне-Волжском, Средне-Уральском совнархозах. Изучались следующие показатели: нормативная стоимость обработки, трудоемкость, условно чистая продукция и др. [Лазарева, 2021. С. 161].

В 1964 году начался эксперимент с новым порядком планирования производства: по заказам магазинов, оптовых баз и контор и торгующих организаций. На работу по-новому были переведены два швейных объединения — «Большевичка» (Москва) и «Маяк» (Горький), обувное объединение «Заря» (Москва), Кожевенный завод им. Тельмана (Москва) и три предприятия текстильной промышленности. Теперь им планировались только объемы реализации прибыли. Другие важные показатели: объем производства, производительность труда, себестоимость продукции — планировали сами предприятия. Другими словами, государство устанавливало, на какую сумму нужно произвести и продать товаров, но не регламентировало, что это будут за товары.

Руководители названных предприятий сами устанавливали фонд заработной платы, размеры которого зависели от уровня выполнения плана по объему производства. Предприятия налаживали прямые связи с потребителями (торговыми организациями) и поставщиками сырья. Они имели право взимать с поставщиков пени за нарушение договорных обязательств. Каждый квартал в фонд предприятия при условии выполнения плана реализации и прибыли поступали отчисления от прибыли в размере 4%. Из фонда предприятия производилось премирование работников.

⁷ Сотников Г. Поиски нового и права совнархозов // Правда. 1962. 17 сентября. № 260(16116). С. 2.

⁸ Жолкевич Л., Иванов Е. Самое главное, самое важное // Правда. 1962. 30 сентября. № 273(16129). С. 2.

Анализ работы этих предприятий показал, что за время работы по-новому все они перевыполняли планы производства, реализации продукции и прибыли. Улучшилось качество их работы: эффективнее использовались основные производственные фонды, снизилась себестоимость, выросла производительность труда, обновился ассортимент, повысилось качество [Лисицына, 1971. С. 9].

По итогам эксперимента с весны 1965 года на новые принципы планирования перевели еще порядка 400 предприятий легкой промышленности, но отчетных показателей у них стало больше: объем реализуемой продукции в оптовых ценах, основная номенклатура изделий, сумма прибыли, показатель рентабельности, платежи в бюджет, ассигнования из бюджета (включая фонд заработной платы). План производства по ассортименту, качеству и срокам поставок устанавливался по договору между торговой организацией и предприятием.

Также на новые методы планирования и экономического стимулирования были переведены отдельные шахты Львовско-Волынского угольного бассейна, некоторые автохозяйства Москвы и Ленинграда, обслуживающие промышленность, строительство, торговлю, а также междугородные перевозки. С 1 мая 1965 года пять грузовых автотранспортных предприятий были переведены на полную самоокупаемость. Вместо многочисленных утверждаемых сверху показателей им был установлен один плановый показатель — отчисление от прибыли в государственный бюджет.

По результатам экспериментов выяснилось, что большинство качественных показателей работы повысилось, ассортимент стал лучше отражать запросы покупателей: запасы непродовольственных товаров в оптовой и розничной торговле за первое полугодие 1965 года в сопоставимых ценах сократились на 352 млн руб., в то время как в первом полугодии 1964 года эти запасы увеличились на 306 млн руб. На автотранспортных предприятиях за четыре месяца работы в новых условиях (май — август 1965 года) порожние пробеги сократились на 15%, грузооборот вырос на 34%, производительность труда — на 31%, а прибыль — более чем в 2 раза. Зарплата работников поднялась на 20%⁹.

Однако на некоторых предприятиях рост прибыли стал обгонять рост производительности труда. Уже в 1963 году проверка НИИ труда выявила значительный рост размеров фондов премирования (на 10–25%) при переходе предприятий на новые принципы хозяйствования [Лазарева, 2021. С. 162].

13 марта 1965 года вышло два постановления Совмина, посвященных улучшению торговли и общественного питания и повы-

⁹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 789. Л. 42.

шению материальной заинтересованности работников легкой и пищевой промышленности и торговли в увеличении производства и продажи товаров народного потребления. В мае 1965 года было принято схожее постановление об улучшении бытового обслуживания населения. Эти постановления свидетельствуют, что руководство страны четко понимало, что реформа вызовет значительный рост денежных доходов населения, и пыталось заранее к нему подготовиться.

Схожие процессы шли в странах СЭВ. Одновременно с дискуссией в СССР аналогичные дебаты начались в ГДР. Вопросы активизации роли хозрасчета, банков и премий активно обсуждались в ЦК СЕПГ как минимум с конца мая 1962 года [Джалилов, Пивоваров, 2020. П. 18]. Апробирование «новой экономической системы» в ГДР началось в ноябре 1962 года, в Болгарии «новая система» внедрялась с 1963 года, как и в Чехословакии, где в апреле 1963-го начался эксперимент на металлургическом комбинате «Нова Гуть Клемента Готвальда», в ходе которого комбинату отменили плановое задание по выпуску продукции, заменив его планом поставок (сбыта), разрешили распоряжаться долей прибыли и в отдельных случаях устанавливать договорные цены [Джалилов, Пивоваров, 2020. П. 54].

В историографии недостаточно отражено, в какой мере эксперименты 1963–1965 годов повлияли на решение советского правительства ориентировать предприятия на рост прибыли, кем и как это решение было принято. По свидетельству непосредственного участника событий — известного российского экономиста Виктора Даниловича Белкина, концепция реформы разрабатывалась еще в 1960–1962 годах в Госэкономовете под руководством его председателя Александра Фёдоровича Засядько [Белкин, 2003]. Новый виток работ проходил в конце 1964 года, когда в рамках Государственного комитета СССР по науке и технике (ГКНТ) была сформирована комиссия под руководством Леонида Александровича Ваага. Комиссия предложила заменить валовой выпуск как обобщающую оценку деятельности трудового коллектива на прибыль — при условии реформы ценообразования. Предлагалось ввести плату за фонды, сохранить план поставок в номенклатуре и установить отчисления от прибыли в фонд предприятия. Однако проект ГКНТ оказался лишь одним из многих [Лазарева, 2021. С. 169–171].

Вообще зимой 1964/65 годов новое руководство страны было максимально открыто к предложениям экономистов. В конце 1964 года президиум АН СССР направил Косыгину доклад «О путях повышения экономической эффективности общественного

производства»¹⁰, в декабре Институт экономики дополнительно подготовил под руководством Якова Абрамовича Кронрода доклад «О мероприятиях по коренному совершенствованию механизма функционирования народного хозяйства СССР (централизованное планирование, хозяйственный расчет, товарно-денежный оборот, система экономических стимулов)», а в январе 1965-го — коллективный доклад «О назревших мероприятиях по совершенствованию системы хозяйственного руководства отраслями материального производства в СССР (управление, централизованное планирование, хозяйственный расчет, товарно-денежный оборот, экономические стимулы)» [Можайскова, 1992. С. 133]. В нем ранее считавшиеся радикальными идеи Либермана уже звучали как общее место: ученые советовали повысить роль прибыли, перейти от фондируемого распределения к прямой торговле между предприятиями, отказаться от централизованного планирования ассортимента продукции, кроме ограниченного числа дефицитных позиций. Правда, поощрение работников предлагалось привязать всё-таки не к прибыли, а к снижению себестоимости.

Официально подготовка реформы началась 23 декабря 1964 года, когда решением Президиума Совета Министров СССР была образована комиссия под руководством зампреда Госплана СССР Анатолия Васильевича Коробова. Из публично высказавших свои взгляды по статье Либермана ученых и практиков в состав комиссии вошли Кирилл Никанорович Плотников, Лев Маркович Гатовский, Борис Михайлович Сухаревский, которые занимали осторожную позицию. В задачи комиссии входила разработка проекта постановления о новой системе планирования для промышленных предприятий. Конечно, у Косыгина в Совмине СССР был свой аппарат, который тоже участвовал в подготовке. Но как пояснял позднее Александр Васильевич Бачурин (в 1964 году — зампред Госплана СССР), весь аппарат Совмина СССР тогда насчитывал немногим более 200 человек, поэтому Косыгин в разработке и реализации реформы во многом опирался на Госплан [Ольсевич, Грегори, 2000. С. 112]. К сожалению, подробности работы комиссии Коробова до сих пор неизвестны.

Как пишет в своей работе Бабкина: «Проект был внесен на рассмотрение Коллегии Госплана СССР 7–8 мая 1965 года. В него вошли многие основные положения будущей экономической реформы 1965 года. По итогам работы члены коллегии вынесли решение признать основные направления, изложенные в данном проекте, верными. На их базе членам коллегии А. В. Коробову, Н. П. Лебединскому и А. В. Бачурину было поручено привлечь от-

¹⁰ Архив РАН. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 51.

дела Госплана СССР, Научно-исследовательский экономический институт при Госплане СССР и другие научные организации “для разработки отдельных вопросов планирования, хозяйственного расчета и материального стимулирования, связанных с усилением экономических методов в планировании и хозяйственной деятельности предприятий”» [Бабкина, 2018. С. 42].

Таким образом, тот вариант реформы, который озвучил на Пленуме ЦК КПСС в сентябре 1965 года глава правительства Косыгин, в большой степени был результатом творчества работников Госплана СССР, шедшего в русле дискуссий и экспериментов предшествующих трех лет.

Предложения Либермана, прозвучавшие в рамках этой дискуссии, не были ни первыми, ни единственными. Их относительно более широкая известность обусловлена тем, что он предложил достаточно целостную модель мотивации предприятий, связывающей финансовые показатели их деятельности и размер вознаграждения работников. Необходимыми предпосылками реализации его модели должны были стать формирование рынка средств производства, демонополизация советской экономики и реформа цен. Цены нужно было перестроить таким образом, чтобы самая необходимая обществу продукция оказывалась бы одновременно самой выгодной предприятиям-изготовителям, то есть фактически симитировать свободный рынок.

Идеи Либермана получили поддержку у тех ученых-экономистов, которые считали возможным рассчитать такие идеальные цены, хозяйственников, желавших больше оперативной самостоятельности, и кибернетиков, рассчитывавших на бурное развитие систем передачи и обработки экономической информации, которые поставляли бы данные для такого расчета.

В совокупности эти идеи составляли логически взаимосвязанную систему, в которой каждый из элементов был необходим для успешной работы нового экономического механизма. Судьба реформы зависела от того, в какой мере эти элементы удастся реализовать на практике.

4. Суть реформы

Официально о реформе было объявлено 27 сентября 1965 года в докладе председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина на Пленуме ЦК КПСС. Через два дня вышло соответствующее постановление Пленума ЦК КПСС [Решения партии..., 1968а. С. 640–645].

К тому времени реформы в странах СЭВ уже шли полным ходом: в ГДР о переходе на «новую экономическую систему» объявили в 1963 году, а сам переход начался с января 1964-го [Джалилов, Пи-

воваров, 2020. П. 21]; в Болгарии «новая система» стала внедряться с апреля 1964 года [Джалилов, Пивоваров, 2021. С. 186]; в Чехословакии в январе 1965-го приняли основные направления реформы, с тем чтобы в том же году обкатать их на 120 предприятиях и с 1966-го распространить на всю промышленность, строительство, торговлю и сферу обслуживания [Джалилов, Пивоваров, 2020. П. 53, 60]. Отставала лишь Венгрия, где решение о втором этапе реформы (первый шел с 1957 года) было принято в 1966 году.

В СССР реформа в первую очередь включала восстановление отраслевой системы управления промышленностью. 30 сентября 1965 года было принято постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об улучшении управления промышленностью», а 2 октября соответствующий закон был принят Верховным Советом СССР. Территориальный аспект планирования должны были разрабатывать республиканские госпланы. Система снабжения становилась «гибридной»: распорядителями фондов оказывались отраслевые министерства, которые взаимодействовали друг с другом по вопросам снабжения через систему главснабсбытов (специализированных отделов министерств), но на местах базы снабжения сохраняли межотраслевую, районную принадлежность. Для общего руководства снабжением восстанавливался Госснаб СССР как союзно-республиканский орган. Он отвечал за межотраслевые поставки и распределение по потребителям продукции, не распределяемой Госпланом, план производства которой утверждался министерствами.

4 октября 1965 года вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» [Решения партии..., 1968а. С. 661]. Результаты деятельности предприятий планировалось оценивать по реализованной продукции, полученной прибыли (рентабельности производства) и выполнению заданий по поставкам важнейших видов продукции. Оплата труда должна была быть привязана к этим показателям. В основу взаимоотношений между предприятиями ставился принцип взаимной материальной ответственности. Должна была повыситься доля прямых договоров на основе прямых связей между предприятиями-производителями и предприятиями-потребителями. Для этого, получив от вышестоящего органа контрольные цифры (остов плана), предприятия должны были сами заблаговременно договариваться с поставщиками и потребителями об объеме, ассортименте, качестве и сроках поставки продукции и формировать портфель заказов.

Предприятиям теперь устанавливался (с припиской «как правило») следующий круг показателей:

- по производству:
 - общий объем реализуемой продукции в действующих оптовых ценах, то есть объем выручки от продаж. В отдельных отраслях в случае необходимости мог применяться показатель «объем отгруженной продукции»;
 - важнейшие виды продукции в натуральном выражении (с указанием в том числе продукции для экспорта), включая показатели качества продукции;
- по труду: общий фонд заработной платы (Либерман предлагал не устанавливать общий размер ФОТ);
- по финансам:
 - общая сумма прибыли и рентабельность (к сумме основных фондов и оборотных средств);
 - платежи в бюджет и ассигнования из бюджета;
- по капитальному строительству:
 - общий объем централизованных капитальных вложений, в том числе объем строительно-монтажных работ;
 - ввод в действие основных фондов и производственных мощностей за счет централизованных капитальных вложений;
- по материально-техническому снабжению: объем поставок предприятию сырья, материалов и оборудования, распределяемых вышестоящей организацией;
- по внедрению новой техники: задания по освоению производства новых видов продукции и по внедрению новых технологических процессов, комплексной механизации и автоматизации производства, имеющих особо важное значение для развития отрасли.

Для стимулирования инноваций в период дискуссии многие участники предлагали вводить надбавки и доплаты за внедрение новой техники. Вместо этого было решено по представлению Госкомитета по новой технике включать в планы задания по ее внедрению. Из планируемых показателей были исключены: производительность труда, численность работников, снижение себестоимости продукции, разделение объема капиталовложений на сверхлимитное и нижелимитное строительство и т. д. Теперь предприятия, получая задание по объему реализованной продукции в деньгах, должны были сами решать, чем конкретно его наполнить (за исключением той части задания, которая конкретизировалась в натуре).

Продолжали существовать планы прикрепления (поставщиков к потребителям), разрабатываемые Госснабом СССР и хозяйственными министерствами, но в них определялись только общие объ-

емы поставок продукции в укрупненной номенклатуре. Конкретизировать эти планы должны были сами предприятия на основе прямых хозяйственных договоров. Менять производство в рамках укрупненной номенклатуры, отвечая на спрос, предприятия могли сами за счет нецентрализованных капиталовложений.

На предприятиях вместо ранее существовавшего фонда директора (затем фонда предприятия) создавалось три фонда экономического стимулирования:

- материального поощрения;
- социально-культурных мероприятий и жилищного строительства;
- развития производства.

Из первого фонда платили премии, из второго строили жилье, а также ведомственные больницы и детские сады, а из третьего финансировали реконструкцию производства.

Все они формировались из чистой прибыли по следующему правилу: за каждый процент роста прибыли (либо, в зависимости от отрасли, роста объема реализованной продукции) и уровня рентабельности активов (отношение прибыли к основным фондам) предприятие получало право перечислить часть прибыли в фонды.

Объем продаж (реализованной продукции) и уровень рентабельности были индикаторами, достижение которых позволяло перечислить часть прибыли в фонд материального поощрения. Соотношение между ними устанавливалось 40:60, то есть повышение рентабельности для формирования премиальных фондов был чуть важнее, чем рост объемов реализации.

Какую часть прибыли можно было перечислять в фонды поощрения — определялось нормативами отчислений, которые в случае фонда развития производства были привязаны к рентабельности активов (как предлагал Либерман), а вот в случае фондов материального поощрения и социально-культурных мероприятий нормативы отчислений привязали к фонду оплаты труда предприятия.

По логике авторов реформы, фонд оплаты труда отражает численность занятых, и не справедливо, если предприятие с малым числом занятых будет иметь возможность начислять себе из прибыли в фонды материального поощрения такую же сумму, как предприятие с большим количеством занятых. Поэтому появилась сложная конструкция, в которой отчисления отчасти отражали эффективность работы, а отчасти выполняли социальную функцию — «кормление» большого трудового коллектива.

Это «исправление» убило мотивацию хозяйственников сокращать лишних работников. Ведь чем меньше сотрудников — тем

меньше фонд оплаты труда, а значит, тем меньше нормативы отчислений в премиальные фонды. Наоборот, если повысить зарплату, можно получить больше отчислений на премии. Конечно, рост зарплат повышает себестоимость, но на производствах, где доля оплаты труда в себестоимости была невелика, это был вполне рабочий способ накрутки премиальных. Уже в 1970 году в экономической литературе отмечалось, что такое положение дел не правильно [Протопопов, 1970. С. 17].

До реформы в распоряжении предприятий оставалось всего 4,5% прибыли (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Распределение прибыли государственных предприятий в 1963 году (%)

T a b l e 1

Allocations of Profits From USSR State Enterprises in 1963 (%)

Всего	В бюджет	В оборотные средства и на другие цели	На капитальные вложения	В поощрительные фонды
100	69,2	14,9	11,4	4,5

Источник: [Бирман, 1966. С. 225].

С началом реформы доля прибыли, остававшейся в распоряжении предприятий в виде трех указанных фондов, значительно увеличилась. К примеру, по предприятиям Главполиграфстекломаша (выпуск полиграфического и стекольного оборудования) средства, аналогичные тем, что были в прежнем фонде предприятия, с 1966 по 1969 год увеличились в 5 раз, в том числе фонды материального поощрения — в 7 раз¹¹.

Изымать средства фондов предприятий в бюджет было запрещено (нарушение этого запрета через несколько лет станет наиболее зримым признаком сворачивания реформы).

Для повышения заинтересованности предприятий в лучшем использовании оборудования вводилась плата за основные фонды. Излишние основные фонды предприятий не только снижали показатель рентабельности активов, но и означали рост платы за фонды. Фонды экономического стимулирования формировались из прибыли после отчислений платы за основные фонды. То есть лишние производственные мощности уменьшали и размер чистой прибыли, и привязанный к рентабельности норматив отчислений от нее в поощрительные фонды. Новые производственные мощности, созданные за счет собственных средств предприятия, от платы за фонды освобождались на два года. При этом вопрос о переоценке основных фондов был поднят лишь через три года,

¹¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 82с. Д. 1884. Л. 4.

в постановлении Совмина от 30 сентября 1968 года, а сама переоценка должна была состояться только 1 января 1971 года.

Выше уже отмечалось, что плата за фонды работает, только если эти фонды можно приобрести в нужный момент. При дефиците предприятия будут стремиться накопить станки и оборудование «впрок», даже если за них придется отчислять плату за фонды. Для решения этой проблемы планировалось организовать оптовую торговлю средствами производства. Прямые договоры между предприятиями должны были стать основной формой взаимодействия, от нарядов на реализацию продукции следовало постепенно уходить. За невыполнение договоров усиливалась материальная ответственность, как следствие — должна была возрасти роль Государственного арбитража. В 1975 году даже вышло положение об оптовой торговле¹², правда, право свободной продажи собственной продукции предприятия так и не получили.

В постановлении от 4 октября 1965 года указывалось, что капитальные вложения за счет собственных средств предприятий должны полностью обеспечиваться материалами и строителями. Эта мера должна была помочь с долгостроями, если бы только ее удалось реализовать, а содержащийся в том же постановлении запрет восполнять убытки предприятий из бюджета должен был поставить предел «мягким бюджетным ограничениям».

Важным недостатком постановления, по мнению автора статьи, было отсутствие в нем конкретных процентов отчислений от прибыли в фонды материального стимулирования. Проекты нормативов отчислений должны были разрабатывать Минфин СССР, Госплан СССР и Госбанк СССР с участием министерств и ведомств СССР, причем постановление разрешало дифференцировать нормативы не только по отраслям, но и по группам предприятий, что сохраняло существование более и менее привилегированных отраслей и предприятий [Решения партии..., 1968а. С. 668].

Отсутствие шкалы поощрения было важным отличием постановления от предложений Либермана. Он в своей статье предлагал регрессивную шкалу поощрения, при которой с ростом рентабельности отчисления в премиальный фонд росли бы всё медленнее. Вместо такого автоматически действовавшего механизма постановление указывало: «В тех случаях, когда у предприятия образуется прибыль за счет значительного превышения уровня рентабельности по сравнению со средней рентабельностью по отрасли, отчисления в фонд материального поощрения

¹² Постановление Госснаба СССР от 15.04.1975 №30 «Об утверждении Положения об оптовой торговле продукцией производственно-технического назначения и Примерного договора на организацию материально-технического снабжения производственного объединения (комбината), предприятия».

от соответствующей части прибыли производятся по пониженным нормативам» [Решения партии..., 1968а. С. 677].

Разделение прибыли на плановую и сверхплановую сохранялось. Постановление требовало: «При разработке нормативов исходить из того, что улучшение показателей хозяйственно-финансовой деятельности предприятий, учтенное в годовом плане, должно поощряться в больших размерах, чем перевыполнение плановых заданий» [Решения партии..., 1968а. С. 677]. Это должно было пресечь практику заведомо заниженных плановых заданий.

Либерман понимал, что при неадекватных ценах будет возникать «выгодная» и «невыгодная» продукция, и видел этому три преграды: лишение поощрения при нарушении ассортимента выпуска, совершенствование ценообразования и контроль рублем со стороны потребителей, которые, по его замыслу, будут отказываться покупать неоправданно дорогие товары. Либерман писал, что «при несоблюдении заданий по объему, номенклатуре и срокам поставок предприятие лишается права на премирование»¹³. Постановление было гораздо снисходительнее: при невыполнении планов по номенклатуре отчисления в фонд поощрения проводились в пониженном размере.

Ценообразованию в постановлении был посвящен целый раздел, к сожалению, преимущественно состоявший из общих пожеланий. Позитивной новацией было появление специального фонда регулирования оптовых цен, за счет которого можно было первое время компенсировать предприятиям последствия изменения цен и тем самым менять их, не нарушая уже утвержденных финансовых планов предприятий.

Таким образом, хотя постановление о реформе явно шло в русле высказанных Либерманом идей, его схема потеряла свою стройность. Нерешенный вопрос с ценообразованием, возможность всё же получать премии при нарушении утвержденного ассортимента и передача вопроса о конкретных ставках отчислений на уровень министерств и ведомств создавали достаточно широкое поле для того, чтобы накручивать премии не только честным трудом, но и игрой с ценами и нормативами отчислений.

5. Реализация реформы

Для решения всех практических вопросов перевода предприятий на новый порядок работы Президиумом Совмина СССР 24 ноября 1965 года была образована Межведомственная комиссия при Госплане СССР (МВК). В ее компетенции входили:

¹³ Либерман Е. Г. План, прибыль, премия... 1962.

- 1) отбор предприятий для перевода на новую систему;
- 2) разработка методических рекомендаций по работе в новых условиях;
- 3) согласование норм отчислений в фонды экономического стимулирования;
- 4) контроль за ходом реформы [Бабкина, 2018. С. 60–68].

В комиссию вошли представители Госкомцен, Госкомитета по вопросам труда и зарплаты, Стройбанка, Госбанка, Минфина, ЦСУ, ВЦСПС, Госснаба, ГКНТ и Госплана. Возглавил МВК зам-пред Госплана СССР Бачурин. В заседаниях МВК участвовали представители министерств и ведомств, союзных республик и научных институтов. Материалы к заседаниям готовил специально созданный в Госплане отдел по внедрению новых методов планирования и экономического стимулирования.

В 1970 году состав МВК был значительно расширен, что отразилось в смене названия: МВК при Госплане стала МВК по вопросам применения новых методов планирования и экономического стимулирования.

Первые методические указания по работе в новых условиях МВК подготовила уже к 6 декабря 1965 года. А 22 января 1966-го вышло постановление правительства о переводе первой, экспериментальной группы из 43 предприятий на новую систему планирования и стимулирования. На предприятиях первой группы были заняты свыше 300 тыс. человек. Первую группу предприятий дополнительно мотивировали участвовать в эксперименте, разрешив министерствам в случаях, если сверхплановой прибыли работающих по-новому предприятий не хватит на премии, «докидывать» им денег за счет предприятий, продолжающих работать по-старому. Таким образом, принцип самоокупаемости начал нарушаться с самого начала реформы.

Тогда же МВК утвердила нормативы отчислений от амортизации в фонд материального поощрения и фонд социально-культурных мероприятий, а также амортизационных отчислений — в фонд развития производства по отраслям. Разные нормативы объяснялись различной трудоемкостью производства готовой продукции по отраслям.

Самые большие — 45% — нормативы амортизационных отчислений (а значит, больше средств для самостоятельного развития) получили Министерства легкой и пищевой промышленности, нефтепереработки и нефтехимии. Самый низкий норматив был установлен для Министерства рыбного хозяйства СССР — 10% [Бабкина, 2018. С. 92].

Отбираемые МВК группы предприятий переводились на новую систему с началом каждого следующего квартала 1966 года. Выбирались наиболее успешные и финансово крепкие предприятия в каждой отрасли. С одной стороны, они были лучше приспособлены к изменениям, но с другой — информация о ходе реформы на передовых производствах создавала у руководства страны завышенные ожидания относительно результатов перевода на новые принципы всей промышленности.

Всего за 1966 год на новую систему было переведено 704 предприятия, на которых было занято порядка 10% промышленно-производственного персонала и на которые приходилось примерно 12% объема производства страны.

Начальные результаты обнадеживали: в первом полугодии 1966-го переведенные на новую систему предприятия дали сверхплановой продукции на 145 млн руб. и получили 40 млн руб. сверхплановой прибыли [Иванченко, 2004. С. 75]. Резко снижались остатки готовой продукции на складах, списывались излишние основные фонды. По итогам 1966 года первоначально установленные планы реализации были превышены более чем на 300 млн руб., а планы по прибыли — на 130 млн руб. МВК, стимулируя перевыполнение планов, разрешила предприятиям оставить 75% дополнительной прибыли себе [Кочнева, 2009. С. 82]. Однако в постановлении о реформе было написано прямо противоположное: нормативы отчислений от сверхплановой прибыли должны быть меньше, чем от плановой, чтобы предприятия сразу принимали напряженные планы.

Роль премий в зарплате резко повышалась: по итогам года на предприятиях первой группы (переведенных в первую очередь) фонд материального поощрения составил 7,3% от фонда оплаты труда, на предприятиях второй группы, переведенных с 1 апреля, — уже 8,9% от фонда оплаты труда [Бабкина, 2018. С. 120].

Рост прибыли в основном обуславливался ростом объемов реализации и в гораздо меньшей степени — снижением себестоимости. При этом значительное влияние на рост прибыли оказывало изменение ассортимента выпускаемой продукции [Иванченко, 2009. С. 83]. Другими словами, предприятия сразу же начали производить то, что было более рентабельным. Этому способствовало сокращение перечня планируемых «в натуре» видов продукции. К примеру, на уровне Совмина в 1968 году утверждались задания всего по 615 наименованиям продукции — в 2 раза меньше, чем до реформы [Ханин, 2008. С. 312].

Постановлением о реформе от 4 октября 1965 года производительность труда была исключена из числа планируемых показателей. Однако уже 22 декабря 1966 года ЦК КПСС и Совмин выпустили новое постановление — «О мерах по обеспечению даль-

нейшего роста производительности труда в промышленности и строительстве», которым министерствам предписывалось «разрабатывать с учетом передового отечественного и зарубежного опыта конкретные организационно-технические мероприятия по ускорению роста производительности труда и организовать работу по их осуществлению». В косвенной форме административный контроль за производительностью труда был восстановлен всего через год после старта реформы. Необходимость восстановления контроля вызывалась опережающим по сравнению с ростом производительности труда ростом заработной платы [Байбаков, 2016. С. 105].

С 1967 года на новую систему стали переходить целые отрасли промышленности. Для этого разработанные годом ранее методические указания были конкретизированы, появились редакции для разных отраслей. К концу 1967 года по новой системе работало уже 7248 предприятий. В 1968 году 26 850 предприятий 16 ведущих отраслей промышленности перешли на новые принципы работы. Они давали 72% объема промышленного производства.

Рост числа перешедших на новую систему предприятий стал вызывать проблемы с доходами государственного бюджета. Порядок 1966 года, при котором 75% дополнительной прибыли оставалось в фондах стимулирования, привел к тому, что при подготовке народно-хозяйственного плана на 1967/68 год госбюджет свели с дефицитом, о чем позднее писал Николай Константинович Байбаков, председатель Госплана СССР в 1965–1985 годах, рассуждая о причинах неудачи реформы: «...неправильно был решен вопрос о разграничении функций государства, его центральной власти, с одной стороны, и министерств, республик — с другой. На практике это привело к тому, что средства, составляющие доходную часть государственного бюджета, ушли на предприятия, а расходы остались за государством. И при подготовке народно-хозяйственного плана на 1967–1968 годы финансовый план балансировался нормально, а госбюджет свести без дефицита за счет текущих средств не удалось. ...Пришлось пойти на временное, как тогда казалось, заимствование средств для покрытия расходов госбюджета из фондов предприятий. Но, позаимствовав один раз, остановиться уже не смогли...» [Байбаков, 2016. С. 105].

С начала 1967 года начались отступления от духа реформы. Был установлен ориентир по размеру фонда материального поощрения — 9% от фонда зарплаты, а на предприятиях с большой долей инженерно-технических работников — 10%. В феврале 1967 года МВК приняла решение о том, что, поскольку не все предприятия могли осуществлять такие значительные отчисления в премиальный фонд, министерства получили право перераспределять часть прибыли подведомственных предприятий по согласованию

с МВК [Бабкина, 2018. С. 122]. Проще говоря, отбирать «лишнюю» прибыль у успешных, чтобы поддерживать отстающих.

Практика изъятий ширилась, что, разумеется, убивало любые стимулы к работе. 7 мая 1968 года специальное заседание МВК приняло решение о необходимости строжайшего выполнения порядка работы с фондами и недопустимости изъятий, но проблема не решилась [Бабкина, 2018. С. 126]. При этом всего через два месяца, 8 июля, правительство приняло решение увеличить Минлегпрому СССР план по платежам в бюджет на 1965 тыс. руб. и изъять в бюджет неиспользованные на 1 января средства министерства в размере 1257 тыс. руб. [Кочнева, 2009. С. 84]. Правительство вело себя так, как пыталось запретить министерствам.

Главным вопросом работы МВК всё больше становилось согласование размеров отчислений в премиальные фонды. Так, для предприятий шерстяной отрасли норматив отчислений в фонд материального поощрения был установлен на уровне 0,5% прибыли за каждый процент роста объемов реализации, шелковой отрасли — на уровне 0,33%, трикотажа — только 0,3%, а для пенько-джутовой промышленности — 0,7%.

Нормативы разнились по отраслям, никакой убывающей шкалы, которую предлагал Либерман, принято не было, но главное — не была обеспечена стабильность нормативов, они пересматривались практически ежегодно (табл. П1 и П2 приложения).

Такой же разнобой царил с нормативами платы за фонды. Ставки отчислений по отраслям различались в разы (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Нормативы отчислений платы за фонды по отраслям (%)

T a b l e 2

Guidelines by Industry for Payments to State Funds (%)

Министерства	Удельный вес платы за фонды в прибыли	Удельный вес платы за фонды в общих платежах в бюджет
Министерство пищевой промышленности	3,4	3,7
Министерство мясной и молочной промышленности	3,6	5,6
Министерство легкой промышленности	10,6	14,0
Министерство автомобильной промышленности	24,5	38,7
Министерство химической промышленности	34,7	46,7
Министерство цветной металлургии	33,0	51,9

Источник: [Иванченко, 2009. С. 98].

Постоянные пересмотры нормативов отчислений и попытки изъятия премиальных фондов вызывались тем, что за сводные результаты экономического развития по-прежнему отвечали хозяйственные министерства. Они стремились не к наилучшей работе отдельных предприятий, а к стабильному развитию своей отрасли в целом, считая, что передовые производства должны помогать отстающим. При этом Госплан продолжал планировать министерствам в укрупненной номенклатуре объемы произведенной (валовой), а не реализованной продукции. Если планы предприятий по реализованной продукции с ними не совпадали, министерства начинали давить на предприятия.

Либерман в статье в «Правде» отмечал риск искусственного повышения цен, но считал, что покупатели смогут контролировать ценообразование поставщиков. Свидетельством того, что проблема цен осознавалась реформаторами, служит постановление правительства от 5 ноября 1965 года, посвященное установлению цен на новые сельхозмашины. Цены должны были устанавливаться на базе цен на аналогичные уже выпускаемые машины с поправкой на рост производительности и других потребительских качеств новых образцов, а Госкомцен получал право снижать цены, если выяснялось, что заявленный рост потребительских качеств в действительности не достигался. Правда, механизм пересчета при этом оставался не ясным: цены должны были снижаться «за счет организаций, рекомендовавших эти машины для серийного производства, или предприятия-изготовителя», но без объяснения, как именно это должно было происходить. В любом случае подобный механизм требовал ручного управления, конкретной проверки реальной производительности каждого нового трактора или комбайна. Каждый образец новой техники так проверять было невозможно.

Это стало приводить к замедлению научно-технического прогресса: например, по итогам 1967 года выяснилось, что новое оборудование для текстильной промышленности стоит столько, что предприятиям невыгодно его устанавливать, а 75% вновь установленного оборудования приводило к снижению уровня рентабельности на предприятиях текстильной промышленности [Иванченко, 2009. С. 99]. В текстильном машиностроении до 1965 года норматив рентабельности был равен 5%, а в 1970-х годах составлял 11–12% [Комплексная программа., 1977. С. 161]. Другими словами, производители ткацких станков явочным порядком забрали часть прибыли текстильной промышленности. Схожим образом вели себя и другие машиностроители. Уровень рентабельности в металлургическом машиностроении в 1967–1972 го-

дах достиг 32% — обновление оборудования металлургических заводов для металлургов резко стало дороже.

В 1967 году произошел пересмотр оптовых цен, который отчасти скорректировал дисбалансы, а в 1969 году для усиления контроля за ценами была повышена значимость существовавшего ранее при Госплане СССР Государственного комитета цен — он был преобразован в Государственный комитет цен Совета Министров СССР.

30 сентября 1968 года вышло подготовленное при участии Госплана СССР постановление Совмина СССР с говорящим названием «О мерах по улучшению практики применения новой системы планирования и экономического стимулирования производства». В первом же абзаце постановления требовалось сделать нормативы отчислений стабильными, а МВК должна была устанавливать такие нормативы, которые заинтересовывали бы предприятия в высоких плановых заданиях и полном использовании резервов, то есть не были бы слишком легкими.

Категорично в постановлении была поставлена задача разработать способ оценки эффективности мероприятий по техническому прогрессу, скорректировать ценообразование так, чтобы цены стимулировали экономию и технический прогресс.

Еще одной важной оговоркой было требование замораживать до конца года часть фонда материального стимулирования, если рост зарплат опережает рост производительности труда, и использовать ее в новом году на стимулирование роста производительности труда. В то же время постановление не только стремилось скорректировать негативные стороны реформы, но и заинтересовать предприятия в переходе на новую систему. В частности, в год перевода предприятиям разрешалось зачислять в фонды экономического стимулирования до 90% дополнительной прибыли [Решения партии..., 1970. С. 143–147].

Сентябрьское постановление 1968 года важно не только как первый документ, в котором признавались проблемы реформы. Оно важно еще тем, что было подготовлено на основе рекомендаций прошедшего в мае 1968 года Всесоюзного экономического совещания, проведенного под эгидой Госплана СССР. Дата совещания существенна еще и потому, что оно прошло до принятия окончательного решения о вводе войск стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 года.

В литературе о реформе постепенный отказ от ее базовых принципов зачастую объясняется страхом советского руководства перед повторением в СССР Пражской весны, то есть политических последствий экономической либерализации.

Незадолго до ввода войск, 18 июля 1968 года, в газете «Правда» и центральных газетах других стран — участниц Организации Варшавского договора было опубликовано письмо Центральному комитету Коммунистической партии Чехословакии. В нем заявлялось: «Мы не вмешиваемся в методы планирования и управления социалистическим народным хозяйством Чехословакии, в ваши действия, нацеленные на совершенствование структуры экономики, на развитие социалистической демократии». Вместе с тем страны Варшавского договора предупреждали, что не согласятся, «чтобы враждебные силы сталкивали вашу страну с пути социализма и создавали угрозу отторжения Чехословакии от социалистического содружества»¹⁴. Последующие события в целом подтверждают, что экономические реформы действительно не были мишенью интервенции, пока речь не шла о выходе из социалистического лагеря.

К середине 1970-х годов реформы во всех странах СЭВ, которые начали их в 1960-е, оказались свернуты. Но динамика этого процесса позволяет считать основной причиной сворачивания не «окрик Москвы», а проявление однотипных проблем.

Например, в Венгрии решение об углублении реформы путем отмены централизованного распределения продукции и перехода к рыночному ценообразованию было принято 30 сентября 1968 года, сразу после подавления Пражской весны, когда, казалось бы, должна была свирепствовать реакция [Джалилов, Пивоваров, 2021. С. 180]. В самой Чехословакии в конце декабря 1968 года Экономическим советом при правительстве ЧССР был подготовлен законопроект «О социалистических предприятиях», который в марте 1969 года получил поддержку VII съезда профсоюзов Чехословакии. Законопроект предполагал самоуправление предприятий — по оценке наблюдателей из СССР, даже более радикальное, чем в Югославии. Смена вектора реформ в направлении усиления централизации принятия экономических решений произошла только на заседании президиума ЦК КПЧ 1 июля 1969 года, то есть почти через год после ввода войск стран Варшавского договора [Москва и Восточная..., 2025. С. 226].

В ГДР первая официальная критика «новой экономической системы» зазвучала только в июне 1970 года на пленуме ЦК СЕПГ, причем без какого-либо понукания со стороны Москвы. «Новую систему» стали сворачивать после того, как план на 1970 год пришлось корректировать шесть (!) раз [Джалилов, Пивоваров, 2020. П. 29–32].

В Болгарии, где реформы начались раньше, их побочные эффекты проявились тоже раньше. Уже в 1967 году ЦК БКП и сов-

¹⁴ Центральному комитету Коммунистической партии Чехословакии // Правда. 1968. 18 июля. № 200(18247). С. 1.

мин НРБ были вынуждены усилить централизованный контроль за фондом зарплаты и внешнеторговой деятельностью предприятий, так как реформа вызвала резкий рост зарплат, опережавший рост производительности труда [Джалилов, Пивоваров, 2021. С. 188].

Позиция советского руководства действительно повлияла на сворачивание реформ в Болгарии с 1969 года и в Венгрии — с 1972-го. Но причиной негативного отношения к реформам со стороны СССР был не страх политической дестабилизации, а постоянный рост внешнего долга Болгарии и Венгрии перед капиталистическими странами. В 1969–1970 годах СССР выделил НРБ несколько валютных траншей, фактически оплатив значительную часть ее задолженности [Джалилов, Пивоваров, 2021. С. 189]. Венгерскому лидеру Яношу Кадару Леонид Ильич Брежнев посоветовал сворачивать реформы в 1972 году, когда тот в очередной раз приехал за помощью, поскольку в Венгрии наблюдались хронический дефицит госбюджета, рост внешнего долга и цен [Джалилов, Пивоваров, 2021. С. 182].

В целом дефицит бюджета, рост цен, рост необеспеченных доходов населения, рост внешнего долга отмечался во всех проводивших реформы странах Восточного блока. По мнению автора, именно эти проблемы, а не страх политической демократизации, которая якобы должна всегда следовать за экономической либерализацией, и изменили отношение политического руководства СССР к реформам.

Всесоюзное совещание в СССР, которое готовилось параллельно с нарастанием политического кризиса в Чехословакии, также служит аргументом в пользу версии, что сворачивание косыгинской реформы в первую очередь было связано с ее внутренней противоречивостью. Реформу следовало либо углублять, либо заканчивать, и тенденции к сворачиванию самостоятельности предприятий для коррекции побочных эффектов реформы проявились одновременно с Пражской весной, а не после ее подавления.

В целом противоречивость и непоследовательность реформы выражалась в следующем.

1. Нормативы отчислений в фонды экономического стимулирования и платы за основные средства назначались свои для каждой отрасли и подотрасли.

2. Нормативы менялись год от года, затрудняя предприятиям среднесрочное планирование.

3. Министерства постоянно пытались перераспределять «лишние» средства между предприятиями.

4. После того как больше прибыли стало оставаться в распоряжении предприятий, возникли проблемы с наполнением госу-

дарственного бюджета, из-за чего, по приведенному выше свидетельству Байбакова, пришлось прибегать к изъятиям средств предприятий. Более последовательная реализация принципа неприкосновенности средств предприятий сократила бы возможность реализации централизованных государственных программ, то есть возможности союзного правительства.

5. Предприятия в погоне за ростом прибыли нарушали ассортимент в пользу более рентабельных товаров, а из-за негибких плановых цен самая рентабельная продукция не обязательно была самой дефицитной.

6. Рост доходов опережал рост производительности труда. За пятилетку реальные располагаемые доходы выросли на 33% к уровню 1965 года, номинальная зарплата рабочих и служащих — на 26% (при плане 20%), при этом производительность труда в промышленности выросла на 32%, в том числе в пищевой промышленности — всего на 20%¹⁵.

7. Из-за погони машиностроителей за прибылью многие виды нового оборудования оказались неадекватно дорогими, потребители отказывались от них, что замедляло темпы научно-технического прогресса.

Кроме того, буксовало создание важнейших обеспечивающих механизмов реформы:

- оптового рынка средств производства;
- государственного арбитража для наказания рублем за срыв договоров;
- широкого потребительского рынка, соответствующего возросшей зарплате.

Проблемы оптового рынка и нецентрализованных капитальных вложений

По подсчетам советского экономиста Александра Михайловича Бирмана, «в 1964 году затраты из фонда предприятия на внедрение новой техники и развитие производства в промышленности составили 120 миллионов рублей, кроме того, на эти цели израсходовано за счет кредитов банка 600 миллионов рублей, а всего — 720 миллионов рублей» [Бирман, 1966. С. 342]. Размер фонда развития на 1967 год он оценивал примерно в 4 млрд руб. Это означало, что прямой спрос предприятий на инвестиционную продукцию возрастал в 5–6 раз. Если нужные обо-

¹⁵ Народное хозяйство СССР в 1970 году. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1971. С. 162, 519, 537.

рудование и материалы нельзя купить, рост фонда оказывался бессмысленным.

В январе 1967 года вышло постановление Совмина СССР о постепенном переходе к оптовой торговле оборудованием, материалами и полуфабрикатами. Госснабу предписывалось определить перечень продукции, разрешенной к оптовой продаже, и открыть до конца года 226 магазинов оптовой торговли [Решения партии..., 1968b. С. 328]. В августе того же года появилось постановление о сокращении номенклатуры товаров народного потребления, распределяемых в централизованном порядке, и о постепенном расширении перечня товаров, реализуемых в порядке оптовой продажи по договорам [Решения партии..., 1968b. С. 592]. В апреле 1969 года очередное постановление Совмина СССР предписало Госснабу с участием Госплана и министерств перейти в 1969–1971 годах к бесфондовому снабжению предприятий отдельными видами продукции [Решения партии..., 1970. С. 397].

Но в условиях, когда по стране стояли сотни долгостроев, производителям (строительным министерствам) и централизованным потребителям инвестиционной продукции (остальным хозяйственным министерствам и ведомствам) крайне трудно было решиться передавать и так дефицитные материалы и оборудование в оптовую торговлю.

По данным Александра Ивановича Анчишкина, в 1966 году объем незавершенного строительства составлял 23,5 млрд руб. — 64,6% от общего объема производственных капиталовложений [Анчишкин, 2003. С. 71]. А в 1969 году директор НИЭИ Госплана СССР Анатолий Николаевич Ефимов писал Байбакову, что объем недостроя достиг уже 100 млрд руб., из-за чего средний срок строительства превышает нормативный в 1,5–2 раза, поэтому необходимо максимально сократить новые стройки, чтобы как можно быстрее закончить уже начатые¹⁶.

Сократить экономически необоснованный спрос на капиталовложения можно было либо централизацией материально-технического снабжения, либо, наоборот, дальнейшим развитием принципов реформы, а именно переходом к кредитованию капитальных вложений под достаточно высокий процент, что предлагал в 1968 году Анчишкин [Анчишкин, 2003. С. 91].

В 1969 году в ЦЭМИ был подготовлена приписываемая Борису Натановичу Михалевскому записка о проводимой реформе. В ней отмечалось усиление инфляции, вызванное недостаточным материальным обеспечением реформы как по линии

¹⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 2887. Л. 203.

потребительского рынка, так и из-за отставания возможностей строительной отрасли от расширившегося спроса предприятий на строительство. В записке предлагалось сократить число государственных программ, сохранив лишь важные, военные, социальные и внешние программы в минимальном объеме, снизить темпы роста до 6,4–6,8% (директивы XXIII съезда предусматривали 6,7–7,1%), сократить долю накоплений и обеспечить соответствие капитальных вложений и капитального строительства, увеличить выпуск предметов потребления [Из неопубликованного. Вопросы..., 2014. С. 160].

Для развития оптовой торговли нужен был излишек инвестиционных товаров, а чтобы был излишек, необходимо было отказаться от части государственных программ. Пойти на это советское правительство было не готово. В данном случае экономическая логика оказалась подчинена выбранной политической линии.

Неготовность сокращать фронт строительства привела к дальнейшему затягиванию его сроков. В 1964 году средний срок строительства крупного (сверхлимитного) промышленного объекта составлял 6,3 года, в 1965-м — 7,1, в 1966-м — 7,6, в 1967-м — 8,2. В 1967 году одновременно строилось 375 990 объектов, в том числе 31 860 — сверхлимитных [Анчишкин, 2003. С. 71]. Очевидно, что чем больше сроки строительства, тем больше вложений заморожено в незавершенном строительстве.

В то же время правительство старалось реагировать на ситуацию в капитальном строительстве. 28 мая 1969 года ЦК КПСС и Совет Министров приняли постановление «О совершенствовании планирования капитального строительства и об усилении экономического стимулирования строительного производства». Оно обязывало Госплан СССР усилить балансовую работу и формировать детальный план капитального строительства для недопущения нехватки стройматериалов [Страницы памяти..., 1987. С. 164–165]. Проблему стали решать не финансовыми, а административными мерами.

Проблемы договорной дисциплины

С 1 января 1968 года начало действовать постановление Совета Министров СССР «О материальной ответственности предприятий и организаций за невыполнение заданий и обязательств». В нем была предусмотрена более строгая материальная ответственность предприятий за нарушение взаимных обязательств.

То, как это постановление работало на практике, описано в сборнике воспоминаний о Косыгине: «Очень ярко характеризует эту сложившуюся ситуацию широко известный “бунт” соро-

ка министров. Суть дела заключалась в том, что реформа резко увеличила цену срыва договорных обязательств. Предприятие, скажем, из-за недопоставки чепуховой, копеечной детали могло задержать выпуск дорогостоящей продукции, сорвать задание по объему ее реализации, а значит, потерять значительную сумму отчислений в поощрительные фонды. По новым условиям в таких случаях можно было через Госарбитраж взыскать с недобросовестного партнера не только штраф за недопоставленную продукцию, но и потребовать возмещения всех потерь и убытков, которые понесло предприятие. Госарбитраж получил право решать такие споры, даже если они возникли у коллектива с собственным министерством. Однако охотников обращаться в Госарбитраж с подобными жалобами находилось очень мало — получалось себе дороже. Ведь с поставщиком, не говоря уже о собственном министерстве, работать предстояло многие годы, и портить с ним отношения было просто опасно. Чтобы поднять дисциплину взаимных поставок, Косыгин пошел на такую меру: было принято постановление, по которому выполнение плана засчитывалось лишь после удовлетворения всех заказов потребителей. Против этого и восстали дружно Госплан и наиболее сильные министерства и авторитетные министры, утверждавшие, что в таком случае все их предприятия останутся не только без премий, но и без зарплаты. В итоге победа осталась за министрами. И хотя распоряжение Косыгина официально отменено не было, оно практически никогда так и не вступило в действие» [Премьер известный..., 1997. С. 20].

На коллегии Госплана СССР в 1972 году обсуждался вопрос о введении в практику планирования и оценки работы предприятий показателя, характеризующего поставки продукции в соответствии с заключенными договорами¹⁷. По всей видимости, именно об этом показателе идет речь в вышеупомянутом сборнике воспоминаний о Косыгине. Вопрос готовил зампред Госплана СССР Бачурин. Уже после распада СССР он объяснял неудачи реформы министерской системой централизованного управления (командования) предприятиями. По его словам, министерства при поддержке аппарата ЦК эффективно сопротивлялись расширению самостоятельности предприятий и децентрализации управления [Ольсевич, Грегори, 2000. С. 117]. На взгляд автора, право не исполнять договорные обязательства, которое отстаивали министры, тем самым сохраняло возможность «административного торга», а значит, и существование неформальных властных отношений.

¹⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 5157. Л. 62.

Проблемы потребительского рынка

Реформа резко увеличивала денежную оплату труда. Темпы роста фонда личного потребления представлены в табл. 3 (данные Госплана СССР).

Т а б л и ц а 3

Фонд личного потребления населения

T a b l e 3

Growth of Personal Consumption

Показатель	1960	1965	1969	1970 (ожидаемое)
Фонд личного потребления населения (млрд руб.)	94,06	125,0	166,2	177,0
Темп роста за пятилетие (%)	–	133	–	142

Источник: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 82. Д. 1879. Л. 92.

Если за первую половину 1960-х годов фонд личного потребления вырос на треть, то за вторую — уже на 42%. В июле 1966 года председатель правления Госбанка СССР Алексей Андреевич Посконов направил в Совмин СССР совершенно секретную записку о недостатках денежного обращения, в которой писал, что развитие розничного товарооборота и платных услуг населению значительно отстает от роста денежных доходов населения. Он отмечал: «В первом полугодии 1966 года эмиссия денег в целом по стране составила 1,8 млрд рублей против 1,2 млрд рублей в первом полугодии 1965 года, 0,7 млрд рублей в первом полугодии 1964 года и 0,9 млрд рублей в первом полугодии 1963 года», — и просил принять срочные меры по дополнительному производству товаров народного потребления [Из неопубликованного (ведомственные материалы)..., 2014. С. 141].

К началу 1965 года, по данным Госбанка СССР, запасы товаров в рознице и опте превышали остатки денежных средств у населения на 23,1%, к началу 1966 года — на 8,7%, а по состоянию на 1 января 1969 года они были ниже остатка денежных средств у населения на 26,7% [Из неопубликованного. Вопросы..., 2014. С. 160]. За три года дефицит из относительного стал абсолютным.

Наиболее крупным ответом на этот вызов стало строительство совместно с итальянским концерном «Фиат» завода легковых автомобилей в Тольятти (АвтоВАЗ). 660 тысяч автомобилей в год (на такую мощность был рассчитан завод) должны были дать трудящимся новый способ траты денег.

Несмотря на выявленные проблемы, реформа продолжалась. На 1 апреля 1969 года по новой системе планирования и экономического стимулирования работало свыше 32 тыс. предпри-

ятий, производящих около 80% продукции и дающих примерно 90% прибыли. «К концу 1970 года на новую систему планирования и экономического стимулирования была переведена 41 тысяча промышленных предприятий, на долю которых приходилось 93% общего объема выпускаемой продукции и 95% всей прибыли промышленности» [Нуреев, Латов, 2018. С. 289].

Однако перевод всей промышленности на новые принципы работы лишь усиливал описанные выше противоречия. Наиболее фундаментальной из них была проблема цен и рынков. Ориентация на прибыль в условиях жестких цен только усиливала дисбалансы, так как самая рентабельная продукция необязательно была самой нужной, а проблемы с рынком средств производства и товарным покрытием зарплаты обесмысливали фонды экономического стимулирования, которые оказывалось не на что тратить.

Пользуясь трудностями предприятий в расходовании фондов стимулирования, министерства перераспределяли их средства между предприятиями, аргументируя, что предприятия всё равно их не тратят, а союзное правительство с теми же аргументами изымало свободный остаток прибыли министерств в государственный бюджет.

Предприятия, само собой, воспринимали такую практику как грабеж, что снижало стимулы к труду и лояльность советской системе как таковой.

В декабре 1972 года, выступая на очередном Пленуме ЦК КПСС, Брежнев обобщил проблемы реформы: «Мы поставили экономическое положение предприятия в серьезную зависимость от такого показателя, как прибыль, рассчитывая, что единственно возможный в социалистических условиях путь ее увеличения — это лучшая работа, повышение производительности труда, снижение себестоимости. Оказалось, однако, что прибыль можно увеличивать и другим путем — неоправданно повышая цены и отказываясь от производства “невыгодной” для предприятия, но необходимой стране продукции»¹⁸.

Реформу стали сворачивать.

6. Сворачивание реформы

Противоречия реформы можно было преодолевать либо более последовательным проведением ее принципов (усилением «контроля рублем»), что вело бы к созданию рыночной экономики в сочетании с индикативным планированием (так определял направленность реформы один из ее идеологов Бачурин [Ольсевич,

¹⁸ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 280. Л. 56.

Грегори, 2000. С. 114]), либо усилением административного контроля.

Реформа никогда не была официально отменена, но с конца 1960-х годов для борьбы с вышеуказанными дисбалансами в регламентирующие документы постепенно вносилось всё больше ограничений на самостоятельность предприятий.

С 1 января 1972 года нормативные документы, в которых выражалась экономическая реформа 1965 года, были существенно скорректированы. Добавились:

- 1) задания по объему реализации новой продукции, отвечающей по технико-экономическим показателям высшим достижениям отечественной и зарубежной техники;
- 2) задания по выполнению обязательств по поставке товаров народного потребления;
- 3) задания по росту производительности труда (ранее были исключены);
- 4) оценка выполнения заданий пятилетки нарастающим итогом;
- 5) новая методика отчислений в фонды экономического стимулирования.

Согласно новой редакции методики отчислений абсолютные и относительные размеры фондов на конец пятилетки теперь утверждались заранее. Исходя из роста за пятилетку определялись плановые объемы фондов на соответствующий год. Их начисление было привязано к выполнению производственной программы. Таким образом, размеру фондов был поставлен потолок.

Размер отчислений от прибыли в фонды материального поощрения ставился в зависимость от темпов роста производительности труда. Нормативы отчислений устанавливались по министерству в целом, оно могло играть ими, «наказывая» передовые предприятия и поддерживая отстающие.

Фонд материального поощрения теперь делился на базовую и переменную части. Базовая часть равнялась фонду поощрения базового года и фактически ни от чего не зависела. Это была «несгораемая сумма», которая гарантировала, что предприятие в любом случае получит не меньше, чем в базовом году. Фонд формировался из прибыли, но его размер зависел не от прибыли, а от фонда оплаты труда. Новацией стало требование рассчитывать фонд поощрения от фонда оплаты труда базового года, чтобы предприятие не проигрывало финансово, увольняя лишних работников. Правда, это означало, что сокращение отчислений происходит не

мгновенно, как раньше, а откладывается до следующей пятилетки, когда будет выбран новый базовый год.

Вводились дополнительные отчисления от прибыли в фонд материального поощрения за рост производительности труда (0,3% ФОТ за 1% превышения темпов роста производительности труда над плановыми). Такая шкала сохраняла практику заведомого занижения плановых заданий.

Также вводились дополнительные отчисления за увеличение удельного веса продукции высшей категории, рост темпов выпуска товаров народного потребления, увеличение доли прибыли на 1 рубль реализованной продукции. Во всех случаях шкала отчислений устанавливалась самими министерствами, что давало им возможность еще больше играть величинами отчислений для каждого конкретного предприятия.

Фонд оплаты труда по-прежнему был привязан к выполнению производственной программы, то есть валовой, произведенной, а не реализованной продукции, а отчисления в премиальный фонд были привязаны к ФОТ, хоть и формировались из прибыли. Из-за этого фактически сохранялась ориентация на валовые объемы производства, а не на объемы реализованной, то есть принятой заказчиком, продукции.

Следующий шаг по выхолащиванию реформы был сделан в конце 1972 года, когда из-за ухудшающейся ситуации с капиталовложениями было принято решение в 1973 году ограничить нецентрализованные капиталовложения. Средства из нецентрализованных источников, образуемые сверх объемов нецентрализованных капиталовложений, намечаемых в государственном плане, отныне изымались и направлялись на централизованные капиталовложения и другие цели государства¹⁹.

В 1973 году объем строительства за счет нецентрализованных капвложений директивно урезали на 28% к уровню 1972 года. Этот шаг можно считать символическим концом косыгинской реформы.

Вместо создания оптового рынка средств производства, то есть увеличения предложения под спрос предприятий, было принято решение ограничить спрос предприятий. От реформы оставалась только привязка материального стимулирования к прибыли и рентабельности, а Госплан, как в дореформенные времена, должен был определять, кому из просителей государственные вложения нужнее.

Начиная с 1972 года предельные размеры фондов материально-поощрения по министерствам и ведомствам союзного подчине-

¹⁹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 280. Л. 21.

ния (не нормативов отчислений в фонды в процентах, а величину фондов в рублях) стали устанавливать централизованно секретными приказами Госплана СССР. Появился потолок фондов материального поощрения, выше которого предприятия прыгнуть уже не могли. Эти меры помогали сбалансировать финансовый план государства, но полностью противоречили смыслу реформы. При этом из сравнения приказов о величине фондов на 1973 и 1974 годы следует, что всего за год совокупный размер фондов вырос по сопоставимому кругу министерств и ведомств в полтора раза (табл. П1 и П2 приложения). Иначе говоря, достаточно последовательно провести меры по ограничению размера средств, оставляемых предприятиям, государство не смогло.

К 1983 году у предприятий оставалось 42% их прибыли, но реально распоряжаться они могли только 8–9%. Использование остальных 33% регламентировалось министерствами и ведомствами [Комплексная программа..., 1983. С. 297].

В плане на 1982 год был официально восстановлен показатель снижения себестоимости, исключенный в ходе реформы²⁰.

В 1983 году группа экономистов подготовила для нового руководства доклад о путях совершенствования управления экономикой. В нем неудачи предыдущего этапа, отсчитываемого авторами от косыгинской реформы, объяснялись недостаточно комплексной, последовательной и согласованной реализацией принимавшихся мер [Комплексная программа..., 1983. С. 302]. Авторы подводили читателей к мысли, что новый виток реформ должен основываться на принципах косыгинской реформы, но реализуемых более твердо, чем прежде.

7. Оценки успешности реформы

Косыгинская реформа удостоивалась полярных оценок экономистов и историков, чему причиной не только разные политические пристрастия авторов, но и трудность выбора критериев оценки.

После перевода предприятий на новую систему их финансовые показатели, как правило, улучшались, однако отличия от остальных предприятий были небольшими. Особенно это проявилось в 1967–1968 годах, когда переводились не отдельные самые крепкие предприятия, а целые отрасли (табл. 4). Улучшились и финансовые показатели использования основных фондов (табл. 5). Вместе с тем показатели восьмой пятилетки хорошо выглядели только на фоне совнархозной семилетки, но явно недотягивали до темпов 1950-х годов (табл. 6).

²⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 3. Л. 52.

Т а б л и ц а 4

Темп роста показателей работы промышленных предприятий в 1966–1968 годах
(% к предшествующему году)

T a b l e 4

Growth of Industrial Enterprise Performance Indicators, 1966–1968 (% y/y)

Показатели работы предприятия	1966		1967		1968	
	Пере- веденные предпри- ятия	Непере- веденные предпри- ятия	Пере- веденные предпри- ятия	Непере- веденные предпри- ятия	Пере- веденные предпри- ятия	Непере- веденные предпри- ятия
Валовая продукция	110,5	108,4	109,7	110,1	109,0	108,3
Прибыль	123,3	108,0	122,4	119,5	115,8	112,8
Производитель- ность труда	108,0	104,7	107,5	106,7	105,6	103,8

Источник: [Иванченко, 2009. С. 128].

Т а б л и ц а 5

Изменение в эффективности работы предприятий после перевода на новую систему
в 1963–1965 годах

T a b l e 5

Change in the Efficiency of Enterprises After Transition to the New System, 1963–1965

Показатели работы предприятия	До перевода			После перевода		
	1963	1964	1965	1966	1967	1968
Получено с 1 рубля основных производственных фондов:						
– реализованной продукции (коп.)	201,4	198,6	200,2	212,6	213,8	215,8
– прибыли (коп.)	26,2	27,8	30,1	35,8	40,1	42,6
Рост производительности труда (%)	104,7	104,8	104,5	108,1	105,2	105,4
Получено прибыли на 1 рубль затрат (коп.)	15	16,3	17,7	20,3	23,1	24,6

Источник: [Иванченко, 2009. С. 130].

Т а б л и ц а 6

Официальные показатели 5-й, 6-й, 7-й и 8-й пятилеток (%)

T a b l e 6

Official Indicators of the 5th, 6th, 7th and 8th Five-Year Plans (%)

Показатель	Годы (пятилетки)			
	1951–1955 (пятая)	1956–1960 (шестая)	1961–1965 (седьмая)	1966–1970 (восьмая)
Среднегодовой темп прироста национального дохода	11,4	9,2	6,5	7,8
Среднегодовой темп прироста производительности труда	8,5	8,5	6,1	6,8
Среднегодовой темп прироста реальных доходов на душу населения	7,3	5,7	3,6	5,9

Источники: Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг.: Юбилейный статистический ежегодник. М.: Статистика, 1972. С. 56; Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 51.

В 1970 году Научно-исследовательский экономический институт при Госплане СССР (НИЭИ) подготовил секретный доклад с предложениями о развитии долгосрочного планирования. В нем отмечалось, что, несмотря на улучшение некоторых показателей по сравнению с 1961–1965 годами, перелома в ряде устойчивых отрицательных тенденциях не произошло. Некоторое ускорение темпов роста национального дохода объяснялось ускорением роста сельскохозяйственного производства при неизменных темпах роста несельскохозяйственных отраслей, ускорением роста численности занятых, увеличением темпов добычи первичного сырья (оценка НИЭИ)²¹. Динамика фондоотдачи оставалась отрицательной. По оценкам НИЭИ, если в начале 1950-х годов соотношение интенсивных и экстенсивных факторов роста было примерно 50:50, то к началу 1970-х на интенсивные факторы (повышение эффективности используемых ресурсов производства) приходилось менее одной трети вклада в прирост объемов общественного производства²². Другими словами, за восьмую пятилетку экстенсивный характер экономики усилился.

В 1951–1956 годах прирост капиталовложений на один рубль обеспечивал прирост конечного общественного продукта на 67 коп., а в 1966–1970 годах — только на 33 коп.²³

Стремление достигать роста за счет увеличения капиталовложений приводило к росту доли производственных капиталовложений в конечном общественном продукте. В 1961–1965 годах она составляла 16,1%, а в 1966–1970 годах — уже 16,8%. Относительно меньше ресурсов оставалось для потребления.

Не произошел перелом и в материалоемкости производства, она продолжала возрастать, что отражено в докладе НИЭИ (табл. 7). Увеличение материалоемкости требовало роста инвестиций в добычу сырья, что приводило к дальнейшему снижению фондоотдачи. Авторы доклада указывали, что проблеме нужно было решать на основе долгосрочной политики в области капитального строительства, увязывающей в единое целое добычу сырья и все стадии его переработки и использования.

Были существенно перевыполнены планы по росту зарплат. Заработную плату рабочим и служащим намечалось повысить на 20%, а фактически она увеличилась на 26,4%. Однако этот, казалось бы, позитивный результат означал усиливающееся давление на потребительский рынок.

Таким образом, косыгинская реформа не переломила негативных тенденций в развитии советской экономики, но увели-

²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 303. Л. 300.

²² Там же. Л. 301.

²³ Там же.

чила антагонизм между коллективами предприятий и верхними звеньями управления, а усиление экономических стимулов без соответствующих указанных выше институциональных изменений только увеличивало разбалансированность экономической системы.

Т а б л и ц а 7

Динамика материалоемкости общественного производства (%)

T a b l e 7

Dynamics of Material Input for Social Production (%)

Показатель материалоемкости	1951–1955	1956–1960	1961–1965	1966–1970
Процент прироста добычи сырья на 1% прироста продукции промышленности и строительства	0,380	0,655	0,778	0,935

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 303 Л. 302.

Заключение

Экономической реформе 1965 года предшествовала широкая общественная дискуссия, в которой был сформирован концепт новой модели планового механизма и нового формата взаимоотношений между государством и предприятиями. Государство должно было через цены и нормативы отчислений формировать определенные экономические стимулы для предприятий, не руководя ими напрямую. Разрабатывать правильные стимулы должны были экономисты-математики, опираясь на экономическую информацию, собираемую с помощью ЭВМ. Платность фондов и возможность самостоятельно распоряжаться частью прибыли должны были сподвигнуть предприятия работать экономно и рационально.

Предложения Е. Г. Либермана оказались самой известной частью этой дискуссии. Их автор отмечал важность гибких цен и стабильных нормативов для правильной работы экономического механизма, но реализованный вариант реформы оказался значительно менее последовательным, нежели предложения Либермана.

Компьютерной системы сбора экономической информации создано не было, как не было и научных принципов расчета нормативов. Нормативы отчислений определялись в ходе «административного торга» участниками Межведомственной комиссии и пересматривались практически ежегодно. Контроль потребителей за ростом цен оказался недостаточным. Оказалось, что премиальные фонды можно обеспечить не только хорошей работой, но и выгодными нормативами отчислений и ценами.

Помимо недостаточной твердости в реализации принципов реформы серьезным недостатком было отсутствие консенсуса в отношении самих этих принципов. Ярче всего это проявилось в сохранявшейся привязке отчислений в премиальный фонд к численности занятых (фонду оплаты труда). Реформаторы пытались проводить одновременно принципы экономической эффективности и социальной справедливости.

В результате стимулирующее воздействие реформы на эффективность работы оказалось меньше ожидаемого, а ее побочные эффекты в виде возможности накручивать прибыль и премии за счет ассортиментных сдвигов и игр с ценами — выше ожидаемых. Чем больше предприятий переводилось на новые условия, тем слабее чувствовался импульс реформы. Доходы рабочих и служащих росли быстрее роста производительности труда, что обостряло дефицит на потребительском рынке. Реформа увеличила объемы незавершенного строительства, тем самым снижая отдачу от инвестиций: предприятия, пользуясь своими новыми правами, начинали больше строек, чем мог освоить строительный комплекс, то есть рос дефицит средств производства.

Всего через несколько лет реализации реформы выяснилось, что административные ограничения спроса на продукцию уже работают плохо, а финансовые ограничения еще работают плохо. Для обеспечения сбалансированности спроса и предложения было два пути: расширение реформы в направлении полноценного рынка либо восстановление административного регулирования пропорций воспроизводства.

При выборе пути углубления реформы государству нужно было отказаться от части централизованных программ, перенаправив высвобождаемые строительные ресурсы на реализацию нецентрализованных инвестиционных программ предприятий, а для товарного покрытия растущих зарплат населения — выделить существенно больше ресурсов на рост производства потребительских товаров.

Также требовалось обеспечить материальную ответственность производителей за срыв договорных обязательств и трату средств фондов материального стимулирования, перейти от бюджетного к банковскому финансированию капитальных вложений, повысив стоимость заемных средств, создать инфраструктуру для оптовой торговли средствами производства и сделать многое другое.

В исторической литературе популярна точка зрения, что советское правительство не пошло на эти меры под влиянием негативного опыта Пражской весны, но анализ хода реализации реформы показывает, что тенденция решать выявлявшиеся

проблемы усилением административного регулирования проявилась уже в 1967–1968 годах. При этом в странах СЭВ, где реформы начались раньше, ограничения тоже стали вводиться раньше (например, в Болгарии), в Чехословакии тренд на либерализацию в экономике держался еще почти год после ввода войск, а в Венгрии и подавно второй этап реформ в 1968 году только начался. Позиция Москвы повлияла на сворачивание реформ в Венгрии и Болгарии, но не из-за страхов потери власти компартией, а потому, что СССР приходилось постоянно гасить их растущие внешние долги. В ГДР реформа была свернута без какого-либо давления СССР, когда там проявились те же проблемы, что и в других странах.

Без отказа государства от своей главенствующей роли в экономике неоткуда было взять дополнительные ресурсы для товарного покрытия растущего инвестиционного спроса предприятий и потребительского спроса работников. Равновесия можно было достичь либо либерализацией цен (то есть фактически обесценением фондов экономического стимулирования и денежных накоплений граждан), либо стерилизацией денежной массы.

В конечном счете был выбран второй вариант. С 1972 года стал устанавливаться потолок роста фондов экономического стимулирования, а с 1973 года — предельный объем капвложений за счет средств предприятий. За последующее десятилетие постепенно были восстановлены практически все ранее отмененные директивные показатели. Это был внутренне логичный процесс, но он привел к увеличению напряжения между верхними и нижними этажами управления: предприятия по-прежнему были ориентированы на максимизацию прибыли и премий, а центральные хозяйственные ведомства стремились этого не допустить для предотвращения дисбалансов.

Один из активных проводников реформы, Бачурин, винил в ее сворачивании советские министерства и секретариат ЦК, которые не желали терять свою власть, и отчасти — политическое руководство страны, которое было не готово прямо заявить о переходе к рыночной экономике. Но никакой другой силы, которая могла бы настоять на углублении реформы, в советском обществе в то время не оказалось.

Не отменяя роль политического фактора, следует отметить, что само наличие дисбалансов в экономике подталкивало хозяйственные ведомства к административному контролю за ними. Центральный государственный аппарат считал себя ответственным и за экономический рост, и за рост благосостояния народа и не был готов рисковать этими задачами в надежде, что невидимая рука рынка справится лучше.

Политическому руководству СССР, наблюдавшему, как во всех проводивших реформы странах СЭВ они только увеличивают дисбалансы в экономике, объективно не просто было прийти к мысли, что для улучшения ситуации их надо углублять. В перестройку этот вывод о необходимости углубления реформ вплоть до перехода к рыночной экономике сделает следующее поколение реформаторов.

Приложение

Appendix

Таблица П 1

**Размеры фондов экономического стимулирования на 1973 год
по министерствам и ведомствам СССР (млн руб.)**

Table A 1

**Amount of Economic Incentive Funds for 1973 by Ministries and Departments of the USSR
(RUB mln)**

Министерства и ведомства СССР	Фонд материального поощрения	Фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства	Фонд развития производства				Всего (3 фонда)
			всего, включая выручку от реализации выбывшего и излишнего имущества	в том числе образуемый за счет:			
				прибыли	амортизационных отчислений, предназначенных на полное восстановление основных фондов	реализации имущества и прочих источников	
Минэнерго	209,33	69,18	116,75	49,69	38,46	28,6	395,26
Миннефтепром	69,14	32,9	141,67	6,42	124,75	10,5	243,71
Миннефтехимпром	108,2	45,35	251,73	49,24	195,81	6,68	405,28
Мингазпром	21,55	6,96	42,08	2,14	39,89	0,05	70,59
Минуглепром	242,85	39,71	129,12	43,76	77,6	7,76	411,68
Минчермет	254,19	104,33	437,13	93,52	329,41	14,2	795,65
Минцветмет	169,29	56,86	260,56	58,95	186,41	15,2	486,71
Минхимпром	167,12	61,37	287,12	46,99	223,57	16,56	515,61
Минтяжмаш	100	23,79	80,06	21,82	52,3	5,94	203,85
Минэлектротехпром	116,96	44,71	97,49	38,94	49,81	8,74	259,16
Минхиммаш	50,35	11,35	40,72	10,57	25,38	4,77	102,42
Минстанкопром	64	18,02	66,8	23,62	35,18	8	148,82
Минприбор	105,81	38,35	58,85	34,82	18,17	5,86	203,01

О к о н ч а н и е т а б л и ц ы П 1

Министерства и ведомства СССР	Фонд материального поощрения	Фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства	Фонд развития производства				Всего (3 фонда)
			всего, включая выручку от реализации вывешего и излишнего имущества	в том числе образуемый за счет:			
				прибыли	амортизационных отчислений, предназначенных на полное восстановление основных фондов	реализации имущества и прочих источников	
Минавтопром	155,11	51,18	159,58	40,74	113,84	5	365,87
Минсельхозмаш	108,04	42,78	93,75	21,34	65,91	6,5	244,57
Минстройдормаш	40	9,19	38,68	15,39	18,42	4,87	87,87
Минлегпищемаш	43,8	11,56	42,79	25,84	12,38	4,57	98,15
Минлеспром	221,68	68,3	232,56	92,08	123,58	16,9	522,54
Минбумпром	29,96	11,32	66,79	21,05	43,1	2,64	108,07
Минстройматериалов	150,9	57,8	206,98	70	119,7	17,28	415,68
Милегпром	349,62	127,01	290,44	113,71	161,53	15,2	767,07
Минпищепром	190,49	98,22	263,09	176,33	71,86	14,9	551,8
Минмясомолпром	113,23	54,49	229,22	171,67	47,61	9,94	396,94
Минрыбхоз	85,42	40,15	88,3	32	41	15,3	213,87
Главмикробиопром	6,48	2,01	12,26	2,09	8,52	1,65	20,75
Минмедпром	38,37	12,55	30,7	17,56	11,54	1,6	81,62
Союзсельхозтехника	164,88	51,79	173,12	65,22	107,7	0,2	389,79
Минзаг	66,7	28,2	128,9	55,6	67,6	5,7	223,8
Гослесхоз	31	9	37,2	17,8	16,4	3	77,2
МПС	373,96	128,45	182,35	71,12	65,23	46	684,76
Минморфлот	60,5	23,71	79,53	13,09	59,94	6,5	163,74
МГА	98,29	143,35	26,73	7,05	15,68	4	268,37
Минсвязи	105,47	33,62	48,18	5,03	31,47	11,68	187,27
Минкультуры	3,46	1,34	2,04	1,16	0,88	0	6,84
Минфин	3,9	1,65	1,8	0,59	1,16	0,05	7,35
Госкино (промышленность)	0,7	0,23	0,58	0,12	0,46	0	1,51
Госкомиздат (промышленность)	6,17	1,93	3,67	1	2,67	0	11,77
Госстандарт	2,93	1,26	1,2	0,34	0,49	0,37	5,39
ГУГК	0,68	0,27	0,26	0,14	0,12	0	1,21
Гостелерадио	2,56	0,49	1,83	0,27	1,56	0	4,88
Всего	4133,09	1564,73	4452,61	1518,81	2607,09	326,71	10150,4

Источник: Приложение 1 к постановлению Госплана СССР от 28.12.1972 № 130. Размеры фондов экономического стимулирования на 1973 год по министерствам и ведомствам СССР // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 83с. Д. 16. Л. 185–188.

Т а б л и ц а П 2
Размеры фондов экономического стимулирования на 1974 год по министерствам и ведомствам СССР (млн руб.)
T a b l e A 2

Amount of Economic Incentive Funds for 1974 by Ministries and Departments of the USSR (RUB mln)

Министерства и ведомства СССР	Фонд материального поощрения	Фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства	Фонд развития производства					Всего (3 фонда)	Прирост к 1973 году	Прирост (%)
			всего, включая вырубку от реализации и выбывшего имущества	в том числе образуемый за счет:						
				прибыли	амортизационных отчислений	реализации имущества и прочих источников				
Минэнерго	212,69	67,62	120,36	53,3	49,45	17,61	503,42	108,16	27	
Миннефтепром	89,3	36,05	173,7	6,81	156,36	10,53	462,22	218,51	90	
Миннефтехимпром	109,46	45,84	278,6	56,69	214	7,91	704,59	299,31	74	
Мингазпром	19,98	5,6	46,7	1,97	43,23	1,5	117,48	46,89	66	
Минуглепром	270,79	44,28	146,7	42,11	90,09	14,5	593,97	182,29	44	
Минчермет	283,1	114,62	490,61	100,07	375,15	15,39	1363,55	567,9	71	
Минцветмет	171,06	64,08	284,44	62,66	207,13	14,65	789,37	302,66	62	
Минхимпром	167,31	49,86	326,89	58,31	254,02	14,56	856,39	340,78	66	
Минтяжмаш	108,5	22,1	84,2	21,7	56,53	5,97	293,03	89,18	44	
Минэлектротехпром	125,99	44,74	111,56	48,08	53,91	9,57	384,28	125,12	48	
Минхиммаш	55	11,41	46,64	13,97	28,37	4,3	155,39	52,97	52	
Минстанкопром	69,8	15,7	77,01	28,92	39,27	8,82	230,7	81,88	55	
Минприбор	114,47	42,56	71,52	45,04	20,62	5,86	294,21	91,2	45	
Минавтопром	173,8	57,4	182,48	52,23	124,45	5,8	590,36	224,49	61	

Продолжение таблицы П 2

Министерства и ведомства СССР	Фонд материального поощрения	Фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства	Фонд развития производства				Всего (3 фонда)	Прирост к 1973 году	Прирост (%)
			всего, включая выработку от реализации избыточного имущества	в том числе образуемый за счет:					
				прибыли	амортизационных отчислений	реализации имущества и прочих источников			
	127,5	51,1	108,91	27,4	74,76	6,75	389,67	145,1	59
	42,1	9,8	43,78	19	20,39	4,39	135,07	47,2	54
	46,4	11,4	51,68	34,2	14	3,48	157,68	59,53	61
	201,48	62	233,01	77,26	136,39	19,36	710,14	187,6	36
	32,6	12,32	74,51	21,86	49,45	3,2	190,74	82,67	76
	158,8	60,82	223,26	77,73	131,66	13,87	652,27	236,59	57
	367,22	128,22	320,31	119,02	184,19	17,1	1118,96	351,89	46
	198,57	86,34	294,88	202,63	77,45	14,8	859,87	308,07	56
	120,18	56,46	272,41	205,88	56,39	10,14	711,32	314,38	79
	95,5	44,9	91,4	40,1	43,3	8	315,2	101,33	47
	7,6	2,36	41,41	3,33	10,1	27,98	64,8	44,05	212
	36,4	10,9	33,57	20,9	11,07	1,6	112,84	31,22	38
	178	53,4	217,15	77,2	126,7	13,25	652,45	262,66	67
	70,2	29,7	137,6	59,5	71,9	6,2	368,9	145,1	65
	32,7	9,8	40,5	19	18,5	3	120,5	43,3	56
	429,55	145,94	199,08	77,89	71,52	49,67	923,98	239,22	35
	61,72	22,7	85,97	13,57	65,37	7,03	249,33	85,59	52
	73,43	13,57	30,39	7,95	18,44	4	143,78	-124,59	-46

О к о н ч а н и е т а б л и ц ы П 2

Министерства и ведомства СССР	Фонд материального поощрения	Фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства	Фонд развития производства						Всего (з Фонда)	Прирост к 1973 году	Прирост (%)
			в том числе образующий за счет:								
			всего, включая выработку от реализации и выбывшего и излишнего имущества	прибыли	амортизационных отчислений	реализации имущества и прочих источников					
Минсвязи	107,59	31,9	48,72	5,01	34,21	9,5	227,43	40,16	21		
Минкультуры	4,12	1,62	2,5	1,51	0,99	0	10,74	3,9	57		
Минфин	3,5	1,75	1,95	0,71	1,19	0,05	9,1	1,75	24		
Госкино (промышленность)	0,75	0,24	0,6	0,11	0,49	0	2,19	0,68	45		
Госкомиздат (промышленность)	10,5	3,94	4,38	1,3	3,08	0	23,2	11,43	97		
Госстандарт	3,21	1,38	1,21	0,38	0,46	0,37	6,64	1,25	23		
ГУТК	5,7	0,61	1,09	0,44	0,65	0	8,49	7,28	602		
Гостелерадио	2,79	0,52	1,83	0,22	1,6	0,01	6,96	2,08	43		
Минавиапром	290,9	90,8	196,9	92,7	96,6	7,6	767,9				
Минмаш	121,8	38,3	84,58	50,8	31,28	2,5	326,76				
Минобщесмаш	78,5	20,7	52,1	17,5	32,6	2	201,4				
Миноборонпром	152,4	69,8	123,33	62,7	56,23	4,4	464,46				
Минрадиопром	222,7	63,4	99,8	50,4	42	7,4	478,3				
Минсудпром	118,4	30,16	78,73	20,65	54,38	3,7	302,32				
Минэлектронпром	182	57	131,02	61,1	56,92	13	488,04				
Всего	5556,06	1845,71	5769,97	2061,81	3306,84	360,72	18 540,39				

Источники: Приложение 1 к постановлению Госплана СССР от 14.11.1973 № 118. Размеры фондов экономического стимулирования на 1974 год по министерствам и ведомствам СССР // РГАС. Ф. 4372. Оп. 83с. Д. 633. Л. 2-6.

Литература

1. Абалкин Л. И., Иванов Е. А., Сорокин Д. И. Экономическая история СССР. Очерки. М.: Инфра-М, 2007.
2. Анчишкин А. И. Прогнозирование темпов и факторов экономического роста / под ред. А. В. Суворова. М.: Макс Пресс, 2003.
3. Бабкина Н. М. Междуведомственная комиссия при Госплане СССР (1965–1971 годы). Дис. ... к.и.н. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018.
4. Бабкина Н. М. Экономическая реформа 1965 г. в СССР: формирование фондов экономического стимулирования на предприятиях, переведенных на новые условия работы // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2017. № 4. С. 90–104.
5. Байбаков Н. К. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: В экономическом штабе страны. М.: Луч, 2010.
6. Байбаков Н. К. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4: Сорок лет в правительстве. М.: Луч, 2011а.
7. Байбаков Н. К. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5: От Сталина до Ельцина. М.: Фонд инноваций имени Н. К. Байбакова, 2011b.
8. Белкин В. Д. Тернистый путь экономиста: воспоминания о прожитом и размышления о грядущем. М.: Дело, 2003.
9. Белых А. А. История российских экономико-математических исследований: первые сто лет. М.: ЛКИ, 2007.
10. Белых А. А., Мау В. А. Экономические реформы в СССР: 1921–1985 гг. // Вопросы экономики. 2023. № 11. С. 81–108. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-81-108.
11. Бирман А. М. Учись хозяйствовать. Рассказы об экономике предприятия. 3-е изд. М.: Политиздат, 1966.
12. Бирман И. А. Я — экономист (о себе, любимом). 2-е изд. М.: Время, 2001.
13. Гвишиани А. Д. Феномен Косыгина: записки внука. М.: Фонд культуры «Екатерина», 2004.
14. Голанд Ю. М., Некипелов А. Д. Косыгинская реформа: упущенный шанс или миф? // Российский экономический журнал. 2010. № 6. С. 44–66.
15. Джалилов Т. А., Пивоваров Н. Ю. Москва и экономические реформы в ГДР и ЧССР в 1960-е годы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 12(98). Ч. I. <https://history.jes.su/s207987840012980-7-1/>. DOI: 10.18254/S207987840012980-7.
16. Джалилов Т. А., Пивоваров Н. Ю. Экономические реформы в Венгрии и Болгарии и реакция на них в СССР (конец 1950-х – первая половина 1970-х гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 4. С. 176–193. DOI: 10.15826/izv2.2021.23.4.073.
17. Иванченко В. М. Мониторинг экономических реформ в избранных публикациях автора за 1956–2003 годы: в 3 т. Т. 1. М.: Мастер, 2004.
18. Иванченко В. М. Планирование как исторический феномен жизнедеятельности человека и общества. М.: Наука, 2009.
19. Из неопубликованного (ведомственные материалы): По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации / под ред. Ю. И. Кашина. М.: ЦБ РФ, 2014. Вып. 16.
20. Из неопубликованного. Вопросы денежного обращения (1919–1982 годы) (ведомственные материалы): По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации / под ред. Ю. И. Кашина. М.: ЦБ РФ, 2014. Вып. 15.
21. Комплексная программа научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий // Комплексные проблемы развития народного хозяйства на основе ускорения научно-технического прогресса: в 25 т. Т. 14. М.: ВИНТИ, 1977.

22. Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1986–2005 годы (по пятилетиям). Проблемный раздел 3.7 // Проблемы совершенствования планирования и управления народным хозяйством. М.: ВИНТИ, 1983.
23. Косыгин А. Н. К великой цели. Избранные речи и статьи: в 2 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1979.
24. Кочнева К. А. Процесс проведения реформы А. Н. Косыгина. Как и почему был искажен замысел преобразований // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск: Энциклопедия, 2009. С. 79–88.
25. Лазарева Л. Н. Экономическая дискуссия 1962–1964 годов: выработка идеологии «косыгинской» реформы // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 3. С. 453–466.
26. Лазарева Л. Н. Экономическая реформа 1965 года: предпосылки, ход, итоги: монография. М.: МГОУ, 2021.
27. Лисицына Л. Н. Из истории подготовки экономической реформы 1965 г. // История СССР. 1971. № 2. С. 3–16.
28. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1961.
29. Можайскова И. В. Судьба ученого и трагедия науки. К 80-летию со дня рождения Я. А. Кронрода. М.: Наука, 1992.
30. Москва и Восточная Европа. Югославская модель социализма и страны советского блока. 1950-е – 1960-е годы / под ред. А. С. Анисеева М.: Институт славяноведения РАН, 2025.
31. Немчинов В. С. О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством. 2-е изд. М.: Экономика, 1965.
32. Немчинов В. С. Основные контуры модели планового ценообразования. М.: Науч. совет по применению математики и вычислит. техники в экон. исследованиях и планировании АН СССР, 1963.
33. Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Упущенный шанс или последний клапан? К 50-летию косыгинских реформ 1965 г. М.: Кнорус, 2018.
34. Ольсевич Ю. Я., Грегори П. Р. Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М.: Теис, 2000.
35. Премьер известный и неизвестный. Воспоминания о А. Н. Косыгине / под ред. Т. И. Фетисова М.: Республика, 1997.
36. Протопопов В. А. Экономическая реформа и хозяйственный расчет. М.: Московский рабочий, 1970.
37. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 16 т. Т. 5: 1962–1965 гг. / под ред. К. У. Черненко, М. С. Смиртюкова. М.: Политиздат, 1968а.
38. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 16 т. Т. 6: Январь 1966 – июнь 1968 г. / под ред. К. У. Черненко, М. С. Смиртюкова. М.: Политиздат, 1968b.
39. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 16 т. Т. 7: Июль 1968 г. – 1969 гг. / под ред. К. У. Черненко, М. С. Смиртюкова. М.: Политиздат, 1970.
40. Сафронов А. В. Компьютеризация управления плановой экономикой в СССР: проекты ученых и нужды практиков // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 3. С. 22–41. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-13002.
41. Ставчиков А. И. 110 лет со дня рождения В. С. Немчинова — основоположника экономико-математических исследований в России // Экономическая наука современной России. 2004. № 2. С. 145–148.
42. Страницы памяти. О планах, планировании, плановиках / сост. В. Е. Вучетич. М.: Профиздат, 1987.
43. Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время: в 4 т. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов. 1987 год. Новосибирск: НГТУ, 2008.
44. Экономисты и математики за круглым столом / под ред. Ю. Давыдова, Л. Лопатникова. М.: Экономика, 1965.

References

1. Abalkin L. I., Ivanov E. A., Sorokin D. I. *Ekonomicheskaya istoriya SSSR. Ocherki [Economic History of the USSR. Essays]*. Moscow, Infra-M, 2007. (In Russ.)
2. Anchishkin A. I. *Prognozirovaniye tempov i faktorov ekonomicheskogo rosta [Forecasting the Rates and Factors of Economic Growth]*. Ed. by A. V. Suvorov. Moscow, Maks Press, 2003. (In Russ.)
3. Babkina N. M. *Mezhdudovedomstvennaya komissiya pri Gosplane SSSR (1965-1971) [Inter-departmental Commission Under the USSR State Planning Committee (1965-1971)]*, PhD thesis. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2018. (In Russ.)
4. Babkina N. M. Ekonomicheskaya reforma 1965 g. v SSSR: formirovaniye fondov ekonomicheskogo stimulirovaniya na predpriyatiyakh, perevedennykh na novye usloviya raboty [Economic Reform of 1965 in the USSR: Formation of Economic Incentive Funds at Enterprises Transferred to New Working Conditions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21: Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo) [Lomonosov Public Administration Journal. Ser. 21]*, 2017, no. 4, pp. 90-104. (In Russ.)
5. Baybakov N. K. *Sobranie sochineniy: v 10 t. T. 3: V ekonomicheskoy shtabe strany [Collected Works, in 10 vol. Vol. 3. At the Economic Headquarter of the Country]*. Moscow, Luch, 2016. (In Russ.)
6. Baybakov N. K. *Sobranie sochineniy: v 10 t. T. 4: Sorok let v pravitel'stve [Collected Works, in 10 vol. Vol. 4. Forty Years in Government]*. Moscow, Luch, 2011a. (In Russ.)
7. Baybakov N. K. *Sobranie sochineniy: v 10 t. T. 5: Ot Stalina do Yeltsina [Collected Works, in 10 vol. Vol. 5. From Stalin to Yeltsin]*. Moscow, Baybakov Innovation Foundation, 2011b. (In Russ.)
8. Belkin V. D. *Ternistyy put' ekonomista: vospominaniya o prozhitom i razmyshleniya o gryadushchem [The Thorny Path of an Economist: Memories of the Past and Thoughts About the Future]*. Moscow, Delo, 2003. (In Russ.)
9. Belykh A. A. *Istoriya rossiyskikh ekonomiko-matematicheskikh issledovaniy: pervye sto let [History of Russian Economic and Mathematical Research: The First Hundred Years]*. Moscow, LKI, 2007. (In Russ.)
10. Belykh A. A., Mau V. A. Ekonomicheskie reformy v SSSR: 1921-1985 gg. [Economic Reforms in the USSR: 1921-1985]. *Voprosy ekonomiki*, 2023, no. 11, pp. 81-108. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-81-108. (In Russ.)
11. Birman A. M. *Uchis' khozyaystvovat'. Rasskazy ob ekonomike predpriyatiya [Learn to Manage. Stories About Enterprise Economics]*, 3rd ed. Moscow, Politizdat, 1966. (In Russ.)
12. Birman I. A. *Ya - ekonomist. (o sebe, lyubimom) [I Am an Economist (About Myself - Beloved)]*, 2nd ed. Moscow, Vremya, 2001. (In Russ.)
13. Gvishiani A. D. *Fenomen Kosygina: zapiski vnuka [The Kosygin Phenomenon: Notes From a Grandson]*. Moscow, Cultural Fund "Ekaterina," 2004. (In Russ.)
14. Goland Yu. M., Nekipelov A. D. Kosygin'skaya reforma: upushchennyy shans ili mirazh? [Kosygin Reform: A Missed Chance or a Mirage?]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal [Russian Economic Journal]*, 2010, no. 6, pp. 44-66. (In Russ.)
15. Dzhililov T. A., Pivovarov N. Yu. Moskva i ekonomicheskie reformy v GDR i ChSSR v 1960-e gody [Moscow and Economic Reforms in East Germany and Czechoslovakia in the 1960s]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya» [The Journal of Education and Science "Istoriya"]*, 2020, vol. 11, no. 12-1(98). <https://history.jes.su/s207987840012980-7-1/>. DOI: 10.18254/S207987840012980-7. (In Russ.)
16. Dzhililov T. A., Pivovarov N. Yu. Ekonomicheskie reformy v Vengrii i Bolgarii i reaktsiya na nikh v SSSR (konets 1950-kh - pervaya polovina 1970-kh gg.) [Economic Reforms in Hungary and Bulgaria and the Reaction to Them in the USSR (Late 1950s - First Half of the 1970s)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts]*, 2021, vol. 23, no. 4, pp. 176-193. DOI: 10.15826/izv2.2021.23.4.073. (In Russ.)

17. Ivanchenko V. M. *Monitoring ekonomicheskikh reform v izbrannykh publikatsiyakh avtora za 1956-2003 gody* [Monitoring of Economic Reforms in Selected Publications of the Author for 1956-2003, in 3 vol. Vol. 1]. Moscow, Master, 2004. (In Russ.)
18. Ivanchenko V. M. *Planirovanie kak istoricheskiy fenomen zhiznedeyatel'nosti cheloveka i obshchestva* [Planning as a Historical Phenomenon of Human and Social Life]. Moscow, Nauka, 2009. (In Russ.)
19. Kashin Yu. I. (ed.). *Iz neopublikovannogo (vedomstvennye materialy): Po stranitsam arkhivnykh fondov Tsentral'nogo banka Rossiyskoy Federatsii* [From the Unpublished (Departmental Materials): From the Pages of the Archival Funds of the Central Bank of the Russian Federation]. Moscow, Central Bank of the Russian Federation, 2014. Iss. 16. (In Russ.)
20. Kashin Yu. I. (ed.). *Iz neopublikovannogo. Voprosy denezhnogo obrashcheniya (1919-1982 gody) (Vedomstvennye materialy): Po stranitsam arkhivnykh fondov Tsentral'nogo banka Rossiyskoy Federatsii* [From the Unpublished. Issues of Money Circulation (1919-1982) (Departmental Materials): From the Pages of the Archival Funds of the Central Bank of the Russian Federation]. Moscow, Central Bank of the Russian Federation, 2014. Iss. 15. (In Russ.)
21. *Kompleksnaya programma nauchno-tekhnicheskogo progressa i ego sotsial'no-ekonomicheskikh posledstviy* [Comprehensive Program of Scientific and Technological Progress and Its Socio-Economic Consequences]. In: *Kompleksnye problemy razvitiya narodnogo khozyaystva na osnove uskoreniya nauchno-tekhnicheskogo progressa* [Comprehensive Problems of National Economy Development Based on Acceleration of Scientific and Technological Progress], in 25 vol., vol. 14. Moscow, Russian National Institute of Science and Information Technology, 1977. (In Russ.)
22. *Kompleksnaya programma nauchno-tekhnicheskogo progressa SSSR na 1986-2005 gody (po pyatiletiyam)* [Comprehensive Program of Scientific and Technical Progress of the USSR for 1986-2005 (by Five-Year Periods)]. In: *Problemy sovershenstvovaniya planirovaniya i upravleniya narodnym khozyaystvom* [Problems of Improving Planning and Management of the National Economy]. Moscow, Russian National Institute of Science and Information Technology, 1983. (In Russ.)
23. Kosygin A. N. *K velikoy tseli: Izbrannye rechi i stat'i* [Towards a Great Goal: Selected Speeches and Articles], in 2 vol., vol. 1. Moscow, Politizdat, 1979. (In Russ.)
24. Kochneva K. A. *Protsess provedeniya reformy A. N. Kosygina. Kak i pochemu byl iskazhen zamysel preobrazovaniy* [The Process of Implementing the Reform of A. N. Kosygin. How and Why the Concept of Reforms Was Distorted]. In: *Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskiy opyt Rossii XX veka* [Mobilization Model of the Economy: Historical Experience of Russia in the 20th Century]. Chelyabinsk, Entsiklopediya, 2009, pp. 79-88. (In Russ.)
25. Lazareva L. N. *Ekonomicheskaya diskussiya 1962-1964 godov: vyrabotka ideologii "kosygin'skoy" reformy* [1962-1964 Economic Discussion: Development of Kosygin's Reform Ideology]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* [Journal of Economic History & History of Economics], 2016, vol. 17, no. 3, pp. 453-466. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).453-466. (In Russ.)
26. Lazareva L. N. *Ekonomicheskaya reforma 1965 goda: predposylki, khod, itogi: monografiya* [Economic Reform of 1965: Prerequisites, Progress, Results: A Monograph]. Moscow, Moscow Region State University, 2021. (In Russ.)
27. Lisitsyna L. N. *Iz istorii podgotovki ekonomicheskoy reformy 1965 g.* [From the History of Preparation of the Economic Reform of 1965]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1971, no. 2, pp. 3-16. (In Russ.)
28. *Materialy XXII s'ezda KPSS* [Materials of the XXII Congress of the CPSU]. Moscow, Politizdat, 1961. (In Russ.)
29. Mozhayskova I. V. *Sud'ba uchenogo i tragediya nauki. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Ya. A. Kronroda* [The Fate of a Scientist and the Tragedy of Science. On the 80th Anniversary of the Birth of Ya. A. Kronrod]. Moscow, Nauka, 1992. (In Russ.)
30. Anikeev A. S. (ed.). *Moskva i Vostochnaya Evropa. Yugoslavskaya model' sotsializma i strany sovetского bloka. 1950-e - 1960-e gody* [Moscow and Eastern Europe. The Yugoslav Model of

- Socialism and the Countries of the Soviet Bloc. 1950s - 1960s*]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2025. (In Russ.)
31. Nemchinov V. S. *O dal'neyshem sovershenstvovanii planirovaniya i upravleniya narodnym khozyaystvom* [On Further Improvement of Planning and Management of the National Economy], 2nd ed. Moscow, Ekonomika, 1965. (In Russ.)
 32. Nemchinov V. S. *Osnovnye kontury modeli planovogo tsenoobrazovaniya* [Basic Outlines of the Planned Pricing Model]. Moscow, USSR Academy of Sciences, Scientific Council for Applied Mathematics and Digital Technology in Economic Research and Planning, 1963. (In Russ.)
 33. Nureev R. M., Latov Yu. V. *Upushchenny shans ili posledniy klapan? K 50-letiyu kosygin-skikh reform 1965 g.* [A Missed Chance or the Last Valve? On the 50th Anniversary of Kosygin's Reforms of 1965]. Moscow, Knorus, 2018. (In Russ.)
 34. Olsevich Yu. Ya., Gregori P. R. *Planovaya sistema v retrospektive. Analiz i interv'yū s rukovoditelyami planirovaniya SSSR* [The Planning System in Retrospect. Analysis and Interviews with USSR Planning Leaders]. Moscow, Teis, 2000. (In Russ.)
 35. Fetisov T. I. (ed.). *Prem'èr izvestnyy i neizvestnyy. Vospominaniya o A. N. Kosygine* [The Prime Minister Known and Unknown. Memories of A. N. Kosygin]. Moscow, Respublika, 1997. (In Russ.)
 36. Protopopov V. A. *Ekonomicheskaya reforma i khozyaystvennyy raschet* [Economic Reform and Business Accounting]. Moscow, Moskovskiy rabochiy, 1970. (In Russ.)
 37. Chernenkov K. U., Smirnyukov M. S. (eds.). *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: v 16 t. T. 5: 1962-1965 gg.* [Decisions of the Party and Government on Economic Issues, in 16 vol. Vol. 5. 1962-1965]. Moscow, Politizdat, 1968a. (In Russ.)
 38. Chernenkov K. U., Smirnyukov M. S. (eds.). *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: v 16 t. T. 6: Yanvar' 1966 - iyun' 1968 g.* [Decisions of the Party and Government on Economic Issues, in 16 vol. Vol. 6. January 1966 - June 1968]. Moscow, Politizdat, 1968b. (In Russ.)
 39. Chernenkov K. U., Smirnyukov M. S. (eds.). *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: v 16 t. T. 7: Iyul' 1968 - 1969 gg.* [Decisions of the Party and Government on Economic Issues, in 16 vol. Vol. 7. July 1968-1969]. Moscow, Politizdat, 1970. (In Russ.)
 40. Safronov A. V. *Komp'yuterizatsiya upravleniya planovoy ekonomikoy v SSSR: proekty uchenykh i nuzhdy praktikov* [Computerization of the Planned Economy in the USSR: Projects of Scientists and the Needs of Practitioners]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology], 2020, vol. 11, no. 3, pp. 22-41. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-13002. (In Russ.)
 41. Stavchikov A. I. 110 let so dnya rozhdeniya B. C. Nemchinova - osnovopolozhnika ekonomiko-matematicheskikh issledovaniy v Rossii [110 Years Since the Birth of V. S. Nemchinov - The Founder of Economic and Mathematical Research in Russia]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of Contemporary Russia], 2004, no. 2, pp. 145-148. (In Russ.)
 42. Vuchetich V. E. (ed.). *Stranitsy pamyati. O planakh, planirovanii, planovikakh* [Pages of Memory. About Plans, Planning, Planners]. Moscow, Profizdat, 1987. (In Russ.)
 43. Khanin G. I. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveyshee vremya: v 4 t. T. 1: Ekonomika SSSR v kontse 30kh godov - 1987 god* [Economic History of Russia in Modern Times, in 4 vol. Vol. 1. Economy of the USSR in the Late 1930s - 1987]. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University, 2008. (In Russ.)
 44. Davydov Yu., Lopatnikov L. (eds.). *Ekonomisty i matematiki za kruglym stolom* [Economists and Mathematicians at the Round Table]. Moscow, Ekonomika, 1965. (In Russ.)